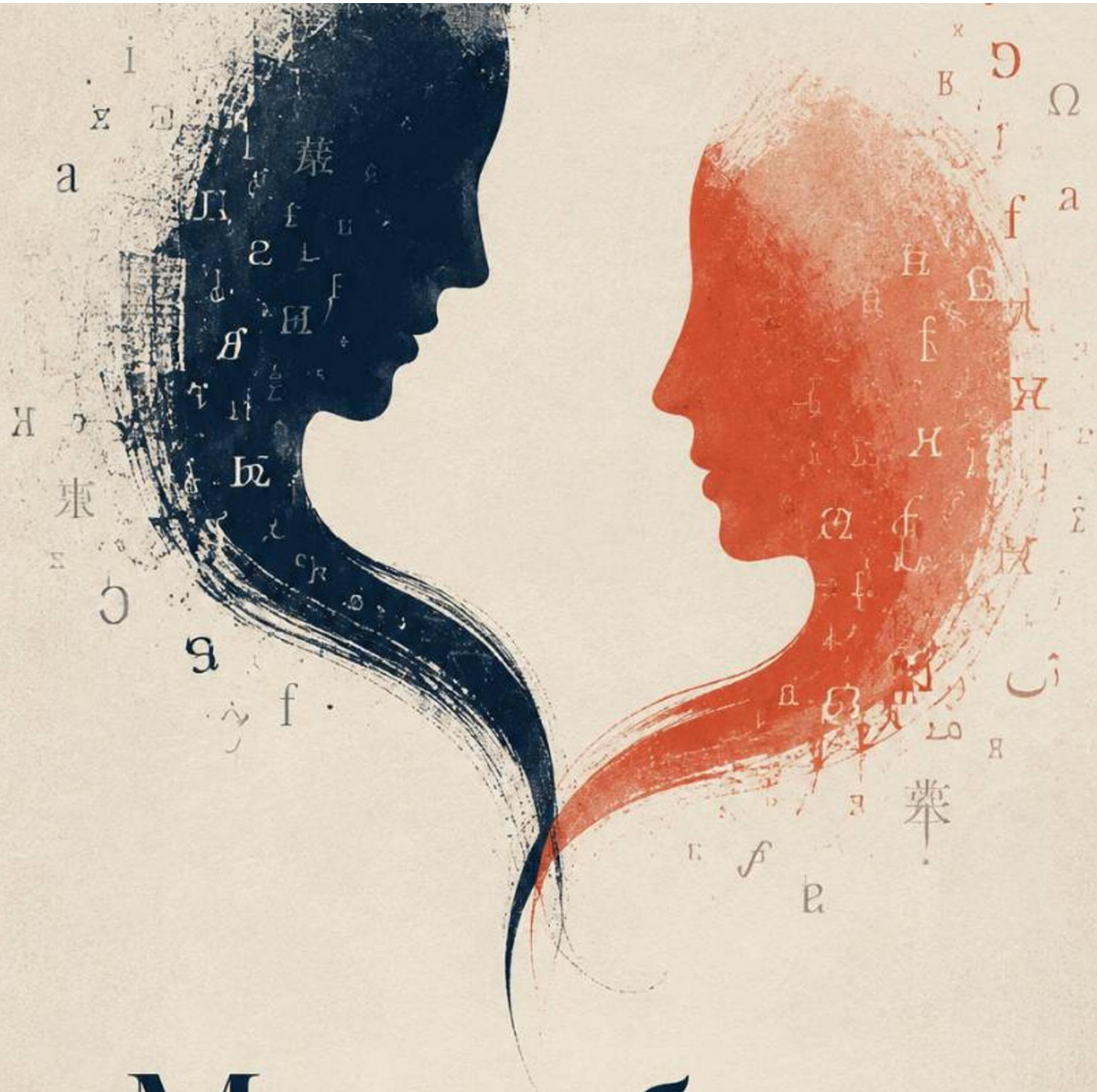

Мы любили друг друга на разных языках

СЕРГЕЙ АНТОНОВ

Сергей Антонов

**Мы любили друг друга
на разных языках**

«Автор»

2026

Антонов С.

Мы любили друг друга на разных языках / С. Антонов —
«Автор», 2026

Мы придумали язык, чтобы понимать друг друга, и получили лишь более совершенный способ ошибаться. Нора взрослеет между Китаем и Новой Зеландией, между языками, культурными правилами и чужими представлениями о том, кем она должна быть. Эмиграция обещает свободу, но вместе с ней приносит одиночество, стыд, предрассудки, невидимые ярлыки и любовь, которой недостаточно одного чувства. Это роман о человеке, которому приходится заново отвечать на мучительный вопрос: где находится дом, если родная страна уже стала чужой, а новая всё ещё замечает в тебе иностранца? Здесь любовь переплетается с идентичностью, памятью, телом, расизмом, потерями и несостоявшимися признаниями. Иногда люди действительно любят друг друга. Трагедия начинается, когда каждый слышит в этой любви свой язык.

© Антонов С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Антонов

Мы любили друг друга на разных языках

*Посвящается каждому незаметному чужаку,
кто бы ты ни был и где бы ты ни находился.*

Предисловие

Она не махала рукой, а боролась за жизнь в воде.

Волны одна за другой тянули её на дно, соленая до горечи вода заливала ей рот, и от этого удушья грудь сжималась приступами. Она отчаянно пыталась крикнуть, но не могла издать ни звука — воздух словно высасывался из лёгких, и весь мир превратился в густую синеву.

Она знала, что тонет, как монета, лишившаяся веса, медленно вращаясь в воде. Свет над головой становился всё дальше, а вокруг плыли обломки плавающего дерева и багажа, но ни за что из этого она не могла по-настоящему ухватиться.

Она увидела себя: маленькую девочку, лежащую на коленях у бабушки и слушающую сказки; подростка, пишущего свой первый пост в блоге; и ту, что стояла в толпе, не зная, как себя вести, и пыталась улыбаться, но чувствовала пустоту. Все те образы себя, которые она запечатала в «капсулу времени», теперь один за другим всплывали на поверхность, а затем один за другим уносились течением.

Её чёрные волосы рассыпались в воде, словно комок дрейфующих водорослей. Набежала очередная волна, и её отбросило ещё глубже на дно; грудь словно обжигало пламя, пронзительная боль проникала в лёгкие, руки и ноги постепенно становились тяжёлыми, а ледяное онемение ползло вверх по позвоночнику.

Поверхность воды была всего в нескольких шагах, но казалась удалённой на тысячи миль.

«Так вот и все...» — прошептала она про себя, и эта слабая мысль была похожа на затухающую свечу на ветру.

Странно, но в этот момент в ней тихо поднялось чувство покоя. Боль не ушла, но стала не такой острой, а, напротив, смягчилась.

В полусознательном состоянии она подумала: «Разве это не то умиротворение, которое я всегда искала?»

Затем сознание погрузилось в бездну, и индигово-синяя вода поглотила её тело, дыхание и все воспоминания об этом мире.

На далеком берегу люди по-прежнему ходили и разговаривали, в кафе звенели чашки и тарелки, мобильные телефоны сообщали о погоде и котировках на бирже — никто не заметил, что в этих водах когда-то была девушка, которую медленно поглощал поток судьбы.

Никто не знал, как эта утонувшая в чужом море китайская девушка когда-то отправилась из старинного городка, пересекла подземного шара и в конце концов встретила с этим незнакомым океаном.

А всё это началось тем летом, более десяти лет назад, с решения, принятого девушкой по имени Цяо Цзя...

Глава 1. Неожиданное путешествие

В конце лета 1994 года в Цюфу стояла душная жара, и даже в воздухе витал запах брожения.

В тот день днём Кон Юйин лежала в родильном зале на третьем этаже женско-детской больницы: пот пропитал её волосы у корней, а губы побледнели. Снаружи стрекот цикад нарастал волнами, листья платана напротив больницы слегка скручивались под лучами солнца, а несколько маленьких воробьёв, спрятавшись на ветвях, тяжело дышали. Старый вентилятор в конце коридора скрипел, словно придавая этому напряжённому воздуху атмосферу старого кино.

«Девочка», — медсестра вытерла пот со лба, протянула ей завернутого в полотенце младенца и тихо сказала: «Совершенно здоровая, громко плачет».

Юйин с трудом подняла глаза, уголки её рта слегка дрогнули, она взглянула на ребёнка в своих руках, и в её взгляде отразилась ясность, пришедшая после изнурительного усталости.

«Очень хорошо», — проговорила она хриплым, но твёрдым голосом, — «я как раз и хотела дочь».

Ручки младенца по-прежнему слабо сжимали воздух, щечки были морщинистыми, а лоб — полным. Врач и медсестра были заняты уборкой родового стола, а снаружи кто-то проходил мимо, и тапочки стучали по полу. В воздухе смешивались запах дезинфицирующего средства и летняя влажность.

В коридоре у окна стоял Цяо Кайпин и курил, опустив взгляд на поток машин внизу. На нем были очки с очень слабыми стеклами, лицо слегка загорелое, а в уголках глаз проступали мелкие морщинки. Он только что вернулся с курсов повышения квалификации из другого города и успел к рождению дочери.

Услышав голос медсестры, он затушил окурок, вошёл в родильную палату и увидел Юйин, держащую ребёнка на руках с нежным выражением лица.

«Посмотри на неё», — Юйин осторожно протянула ему ребёнка.

Кайпин, принимая ребёнка, почувствовал себя немного растерянным, словно держал в руках тёплый драгоценный камень. Он наклонился, чтобы посмотреть: у ребёнка были полузакрытые глаза, дыхание было лёгким, нос немного приплюснутый, а уши слегка прижаты к голове. В тот момент, когда отец и дочь встретились взглядами, они оба улыбнулись.

«Имя уже придумали?» — спросил он.

«Цяо Цзя», — Юйин прислонилась к изголовью кровати. «Она носит твою фамилию, а „Цзя“... означает „кроткая и благородная“».

Он кивнул и снова посмотрел в окно: «В этом году «Три святыни» только что включили в список Всемирного наследия. Как тебе, не удивительно?»

«Мне же кажется, что это экзаменационная работа, присланная нашими предками», — Юйин тихо улыбнулась, и в её глазах отразилась нежность. «Нам нужно ответить на неё как следует».

В те времена Цюйфу был ещё тихим культурным городком. На плакатах возле вокзала всегда было написано: «Изучайте путь мудрецов» и «Пропагандируйте дух национальной культуры». Главные улицы были вымощены квадратными кирпичами, а вдоль них тянулись ряды аккуратно посаженных падубов. Многие ездили на работу и с работы на велосипедах, у ворот государственных учреждений висели таблички с надписями, написанными кистью, а ровно в пять часов вечера раздавалась музыка для зарядки.

Цяо Цзя выросла именно в таком городке с глубокими историческими традициями.

Через месяц Юйин и Кайпин оба вернулись на работу. Она работала в Управлении по охране культурного наследия, где часто принимала иностранных гостей, переводила документы, а иногда даже возглавляла экспедиции по археологическим разведкам по всей стране. Кайпин преподавал древнекитайский язык в университете, а позже его тоже направили на годичное обучение в провинцию. Поскольку дома не было никого, кто мог бы присмотреть за ребёнком, они посоветовались и отправили Цяо Цзя к старушке Чжао на западе города — то есть к матери Юйин.

Бабушка Чжао жила в небольшом переулке рядом со старым вокзалом. Двор был небольшой: там росло старое финиковое дерево, стояли два старых плетеных кресла, а также росли всевозможные цветы и травы. В молодости она работала продавцом в кооперативе, а после выхода на пенсию жила в этом маленьком дворике.

«Ой, какая девочка, белокожая и пухленькая, когда берёшь её на руки, она как клейкий рисовый шарик», — говорила она всем подряд. «Она меня сразу узнала. Небеса не обделили меня — подарили мне живой сокровище».

В детстве Цяо Цзя была очень тихой: плакала только когда хотела есть, а в остальное время просто смотрела на людей своими большими, блестящими глазками. Бабушка вытирала ей лицо и ручки тёплым полотенцем, затем тщательно укутывала в толстое хлопковое одеяло и укладывала в старую колыбель. «Похожа на рисовый узелок», — напевала она, покачивая колыбель и напевая песенку «Маленькая капуста».

Юйин приходила к ней каждую неделю, всегда принося с собой детскую одежду и импортное молоко. Перед тем как войти, она причёсывалась и снимала туфли на каблуках; когда брала ребёнка на руки, её движения выглядели не совсем естественно, но взгляд был искренним.

«Мама, она тебя узнает, а меня — нет», — с горькой улыбкой сказала она. «Может, мы отдали её слишком рано?»

Старушка Чжао, возвращая ребёнка на руки, ответила: «Ты думаешь, в других семьях по-другому? Все ходят на работу, кто-то же должен присматривать за детьми».

«Но она улыбается только тогда, когда ты держишь её на руках».

«Когда она подрастёт, она сама поймёт, что вы — её мама и папа».

Юйин кивнула и больше ничего не сказала.

Когда Цяо Цзя исполнилось три года, она уже очень быстро бегала по маленькому дворику у бабушки. Она научилась сама снимать туфли, держать миску и даже помогала бабушке складывать высушенный перец в мешки. Больше всего ей нравилось брать лопатку для кастрюли, делать из неё микрофон и устраивать «концерты» у финикового дерева у ворот.

«В левой руке курица, в правой — утка!» — подражая тому, что видела по телевизору, она пела и танцевала, волосы ее развевались на солнце, а пряди на лбу прилипали к коже от пота.

«Посмотри на свою внучку, разве она не похожа на какую-нибудь маленькую актрису?» — со смехом сказала соседка, тетя Чжан.

«А что плохого в актрисах? В старину их называли ученицами Лиюаня», — сказала старушка Чжао, с улыбкой раскладывая на ступеньках маты для сушки, — «Она смелая и сообразительная, в будущем не уступит своей маме».

Но Юйин так не считала.

Иногда, закончив сверхурочную работу, она спешила к дочери и, едва войдя во двор, видела, как Цяо Цзя, выпятив попку, ползла на четвереньках, гоняясь за дикой кошкой. Кошка была худая, как скелет, и настороженно мелькала туда-сюда, а Цяо Цзя, крича: «Не бойся, я хорошая», пыталась накинуть на неё свой розовый шарфик.

Она нахмурилась, быстрым шагом вошла на каблуках и сначала заметила разбросанные по земле грязные пятнышки, а потом — красные тканевые тапочки дочери, испачканные грязью до самой пятки.

«Разве она не слишком неуправляемая?» — она резко притянула девочку к себе и, указывая на её туфли, спросила: «Ты позволяешь ей так бегать на улице?»

«Если ребенок не будет бегать, как он тогда вырастет?» — спокойно ответила старушка Чжао, сидя на корточках у входа в маленькую кухню и перебирая овощи.

«Но она же не обычный ребёнок», — её тон стал несколько резким, — «она — потомка семьи Кон, не может так вести себя без правил».

«Потомки семьи Кон должны ходить чистенькими, изучать поэзию и книги, соблюдать этикет, а гоняться за кошками и обнимать собак — запрещено?» Старушка поставила корзину с овощами, встала и отряхнула воду с рук. «В твоём возрасте ты сама лазала по деревьям и срывала цветы акации».

Они перебрасывались репликами, и атмосфера становилась всё более напряжённой. Цяо Цзя пряталась за дверь, крепко сжимая ручонкой подол юбки, и ее взгляд метался между мамой и бабушкой, словно она была маленьким зверьком, зажатым между грозowymi тучами и костром.

В тот вечер она не проронила ни слова. Просто тайком затащила кота, которого мама считала грязным, в умывальную, осторожно вымыла его тёплой водой, а потом завернула в полотенце и уложила в свою маленькую плетеную корзинку. Ещё она вырезала маленький кусочек наклейки и торжественно приклеила его коту на лоб, словно вручая какую-то награду.

«Теперь ты кошка из аристократии, — серьёзно сказала она, — веди себя с достоинством».

Слово «поведение» она усвоила из речи матери. Каждый раз, слыша это слово, в её воображении возникали пожелтевшие служебные документы в кабинете: почерк аккуратный, но без тепла, аккуратный, но холодный.

В том году, когда она пошла в начальную школу, Цяо Цзя стала «проблемным ребенком» в школе.

На уроках она тайком рисовала человечков в углах учебников, а на переменах гонялась за мальчиками; однажды она случайно опрокинула глиняную скульптуру, которую учитель рисования поставил на кафедру. Учитель, разгневанный, вызвал родителей в школу.

Юйин, примчавшись на место, молча выслушала напутствие учителя, а затем повернулась к Цяо Цзя.

«Ты знаешь, в чём твоя вина?»

— Я не специально...

«Не специально? Тогда разве ты не должна знать, как следует вести себя в твоём возрасте?»

Цяо Цзя опустила голову, и её голос звучал тихо, как жужжание комара: «Я просто хотела посмотреть, не унёс ли он мою резинку».

Юйин больше ничего не сказала, а просто отвезла её к бабушке. Она взяла Цзя Цзя за запястье и тихо прошептала: «Если ты будешь так себя вести, как же ты будешь похожа на мою дочь?» Она хотела, чтобы дочь была послушной, но Цзя Цзя всегда разочаровывала её.

В тот вечер у кухонной печи горел тусклый свет, а рядом лежала небольшая кучка чесночной шелухи. Старушка Чжао сидела на маленькой скамейке у плиты и чистила чеснок зубчик за зубчиком, двигаясь так медленно, будто вымеряла время. Цяо Цзя прижалась к ней на соседней скамейке, крепко прижимая к груди «Мяо-Мяо» с оторванным ушком, и долго молчала.

— Твоя мама не злится на тебя, она просто боится, что ты не вырастешь как надо, — сказала бабушка ровным, неторопливым тоном.

— А каким она хочет, чтобы я выросла? — Цзя Цзя подняла голову, в глазах ее читался упрямый блеск. — Как Ли Лэй из учебника или как тот переводчик Холин из её кабинета? Пунктуальная, вежливая, с лицом, на котором никогда не появляются ошибки?

Старушка Чжао на мгновение замерла, а затем рассмеялась, и в её смехе слышалось легкое вздох: «Девочка ты такая, примеры приводите умеете».

«Но я не такая», — голос Цзяо Цзя внезапно стал выше, чуть пронзительным, — «У меня в голове всегда крутятся странные вопросы, я не могу усидеть на месте, придумываю кучу вещей, которые другие не понимают. Она хочет, чтобы я была послушной, а я не могу».

«Ничего страшного, что у тебя много вопросов», — бабушка ласково погладила её по спине, — «главное, чтобы, когда ты вырастешь, ты не боялась искать на них ответы».

Цяо Цзя опустила голову и промолчала. Через минуту она тихо проговорила: «Моя мама никогда не задает вопросов. Она как механические часы: каждый день в одно и то же время произносит одни и те же слова. У неё есть чувства?»

«Есть», — бабушка задумчиво смотрела на огонь в печи. «Просто со временем она надела маску „обязанности“, и носила её так долго, что даже сама забыла, как выглядит её лицо под этой маской».

Иногда Цзяо Цзя, сидя за партой, на полпути выполнения домашнего задания застывала, уставившись в потолок. Она называла это моментами, когда «душа сходит с рельсов». Иногда она была мэром страны лилипутов и за своим рабочим столом подписывала законы о выращивании цветов и растений; иногда — святой воительницей, спасающей похищенную Афины.

«Как ты так будешь жить дальше?» — однажды холодно спросила её мать. «Нельзя всё время жить в своём собственном мире».

«Но мой мир гораздо интереснее», — тихо ответила она.

Услышав эти слова, мать долго молчала, словно запруженная вода, и в конце концов лишь тихо вздохнула.

«Ты девочка, тебе нужно быть более реалистичной».

Что такое реальность? Тогда она этого не понимала. Она знала только, что реальность никогда не приглашала её войти.

Весной того года, когда Цяо Цзя исполнилось десять лет, в Цюфу дул особенно сильный ветер, от которого красные флаги на углах улиц трепетали и свистели. В переулках ветер часто сдувал вывешенные на солнце стеганные одеяла, а старики, ругая ветер, всё равно выносили плетеные кресла на солнце и дремали в лучах солнца.

Она уже училась в четвёртом классе начальной школы. Невысокая, но очень самостоятельная, она шла быстрым шагом, всегда держа руки в карманах, словно маленькая взрослая. Она не любила заплетать косы, говоря, что «волосы, затянутые в косу, словно держит судьба», и не любила носить розовые хлопковые юбки, которые покупала ей мама, считая, что в них она похожа на маленькую актрису из телерекламы.

Она увлеклась «Маленькими женщинами», а также начала читать «Путешествие на Запад» и «Расследования Шерлока Холмса»; часто сидела одна под старой смоковницей, грызя яблоко и читая книгу.

Бабушка, глядя на то, как она листает страницы, покачала головой и улыбнулась: «Чем больше читаешь, тем меньше говоришь».

Она не спорила и не соглашалась, а лишь ещё сильнее прижала книгу к коленям.

Позже она начала вести дневник. Хотя многих иероглифов она ещё не умела писать, она уже научилась пользоваться словарём, листала толстую книгу и переписывала слова, выводя каждый штрих по отдельности.

Она писала о старом гуае за окном, о том, как его листья кружились на ветру; писала об ангеле, появившемся в сновидении, с маленькой лампочкой, излучающей голубой свет, в руках; писала о той мелкой морщинке, которая промелькнула в углу глаза матери, когда та присела на корточки; писала и о том золотом зубе, который случайно проглянул, когда бабушка зевнула, — он был похож на звездочку с мелкой морщинкой.

Она словно крошечный наблюдатель, тихо фиксирующий мир, вплетает жизнь в строки и строчки, создавая себе с помощью слов уютное гнездышко.

«Почему взрослые всегда выглядят сердитыми, когда говорят: „Это для твоего же блага?“» — она записала эту фразу, а затем красным карандашом добавила большой вопросительный знак. Она не знала, что взрослые подразумевают под «для твоего же блага»: хотят ли они, чтобы она стала более послушной, или чтобы она больше походила на то, какими они её себе представляют.

Какое-то время Цзяо Цзя была увлечена «приключениями».

Все началось с потрепанного экземпляра «Приключений Тинтина» — этого комикса она одолжила у старшего брата соседей; обложка у него давно была загнута, а на страницах остались каракули, нарисованные карандашом. Но для неё это было настоящим сокровищем: она

прижималась к подоконнику и с упоением читала страницу за страницей, а в её глазах оживал Тинтин, бегающий, преследующий и ведущий тайные переговоры под землёй.

Позже она обнаружила в школьном уголке с книгами «Записки из Ляоцзай» с облупившейся обложкой. Эти немного мрачные фантазии — лисица-дух, прячущаяся за тенью дерева, или шепот женского призрака под окном старого дома — заставляли её сердце биться чаще. Ей казалось, что этот мир наверняка гораздо сложнее, чем говорят взрослые, просто они не хотят этого признавать.

«Храм Конфуция такой огромный, а может, там есть потайные ходы?» — спросила она однажды у бабушки, которая как раз грызла семечки.

— Не выдумывай ерунду, — ответила бабушка, не отрываясь от шелушения семечек и даже не подняв глаз. — Это храм наших предков, туда нельзя просто так заходить.

— Но... а вдруг там спрятана книга, которая умеет говорить?

«Откуда там столько демонов и привидений?»

Цяо Цзя больше ничего не сказала, просто опустила голову и продолжила читать, но в душе тихо приняла решение.

В пятницу той же недели, как только прозвенел звонок, обозначающий конец уроков, она накинула рюкзак на плечи и, не свернув, как обычно, в переулок, а сев на свой старый велосипед марки «Фэньхуан», промчалась как ветер сквозь толпу в центре города и, следуя по тропинке вдоль городского рва, обогнула храм Конфуция с юго-восточной стороны.

Там находились боковые ворота — «слабое место», которое она обнаружила после многодневных наблюдений: через определенные промежутки времени ворота приоткрывались, и через них входили и выходили сотрудники, а иногда изнутри выносили пустые ящики.

Она была в своих слегка посеревших белых кроссовках и мчалась на велосипеде со всей скоростью. Доехав до ворот, она сначала спрятала велосипед в кустах поблизости, потом огляделась по сторонам и, пригнувшись, проскользнула в щель между воротами.

Дверь, как и ожидалось, не была заперта, а приоткрыта, словно ждала её.

Внутри пролежала узкая дорожка из зелёной кирпичной мостовой, по обеим сторонам которой росли высокие старые деревья с густой листвой; при дуновении ветра листья шуршали, словно кто-то вдали тихо листал толстую старинную книгу.

Она затаила дыхание и шла на цыпочках. При каждом шаге под ногами хрустели опавшие листья, словно напоминая ей, что это запретная зона.

Её сердце билось всё быстрее — не от страха, а от волнения. Ей казалось, что она действительно стала избранной, и только она сможет раскрыть тайну, скрытую в глубине храма.

Проходя через боковую прихожую, она увидела ряд длинных деревянных столов, на которых лежали несколько стопок книг в традиционной переплетке, покрытых слоем пыли. Она подошла ближе, открыла одну из них — «Комментарий Гуан к Веснам и Осеням» — и, словно обнаружив сокровище, осторожно развернула ее. Из рюкзака она достала тетрадь и аккуратно, буква за буквой, переписала одну фразу из книги:

«Знать, что это невозможно, но делать это всё же — вот что такое доброта».

Её маленькие пальцы скользили по бумаге. На самом деле она не до конца понимала весь смысл этих слов, но чувствовала, что они относятся именно к ней. Даже если никто не понимает её мир, она хотела оставить в нём хоть какой-то след.

Как раз когда она была поглощена записями, тишину нарушил кашель.

«Из какой школы ты? Кто тебя впустил?»

Она резко вскочила и, обернувшись, увидела у двери сотрудника в униформе, чьи брови были сдвинуты, словно две свернувшиеся червячки.

«Я... я читала книгу», — она инстинктивно прижала тетрадь к груди.

«Здесь не библиотека», — сказал тот, подойдя ближе. Голос его был негромким, но в нём слышался упрек.

«Но эти книги никто не читает, они тут просто пылятся», — в её голосе слышалась легкая обида, — «Я просто хотела почитать».

Сотрудник на мгновение растерялся. Сначала он хотел вытащить её отсюда, но, глядя в глаза этой маленькой девочке, полные упрямства и серьёзности, он на мгновение смягчился.

«Назови мне своё имя и школу. Нам нужно уведомить родителей».

На следующий день в школьный кабинет вызвали её родителей.

«Цяо Цзя без разрешения проникла в Храм Конфуция, что вызвало недовольство сотрудников учреждения по охране культурного наследия», — строго сказал директор по воспитательной работе. «Она утверждает, что пошла „взять книгу“, но такое поведение уже квалифицируется как незаконное проникновение на территорию объекта культурного наследия».

Услышав это, Юйин побледнела и невольно стала теребить сумочку пальцами.

«Ей всего десять лет...», — пробормотала она.

«Именно потому, что она ещё маленькая, мы и должны как можно раньше приучить её к дисциплине», — сказал завуч непреклонным тоном. «Если и дальше так потакать ей, что с ней будет, когда она вырастет?»

Свет в кабинете слепил глаза; на стене висел красный плакат с лозунгом «Будь цивилизованным учеником», который в этот момент казался особенно ироничным.

Кайпин нахмурилась и замолчала.

В тот вечер за обеденным столом царила необычная тишина, из-за чего стук чашек и приборов казался особенно звонким.

Цяо Цзя, опустив голову, механически ложила в рот одну ложку риса за другой, словно просто выполняла задание.

«Ты знаешь, в чём ты виновата?» — наконец произнесла мать приглушённым голосом.

«Я просто пошла почитать», — ответила она негромко, но с упрямством.

— Это не то место, где тебе следует бывать.

«Но вы же никогда меня туда не водили», — она подняла голову, и в её глазах ещё не исчезла обида.

«Это памятник культуры национального значения, а не место, где тебе можно развлекаться».

«Я не играла!» — внезапно повысила она голос, почти крикнув: «Я просто хотела почитать книгу!»

Лицо матери помрачнело: «Тебе разве не хватает школьных учебников? Что тебе интересного в этих взрослых книгах? Ты же ещё ребёнок».

«А когда вы вообще считали меня ребёнком?» — Цзя Цзя резко бросила палочки, их кончики ударились о край миски, издав чёткий звук. «Когда вас не было дома, бабушка рассказывала мне сказки и убаюкивала меня; а когда вы дома, вы только и делаете, что указываете мне, что не так и что не по правилам! Был ли хоть один раз, когда вы бы помолчали, а я внимательно выслушала вас?»

Атмосфера застыла, словно внезапно остывший бульон.

Рука Юйин дрогнула, ложка упала в миску, и суп брызнул, разлетевшись по скатерти и ее юбке. Она не шелохнулась, а только ошеломлённо смотрела на дочь.

В тот вечер Цяо Цзя рано вернулась в свою комнату. Свет был выключен, дверь закрыта, но разговор в гостиной продолжался до поздней ночи.

«Её проблемы становятся всё серьёзнее», — Юйин стояла у окна, скрестив руки на груди, и говорила тихим, тревожным голосом: «Ты читал её сочинения? Там одни странные выражения: „кукла, созданная по заказу“, „инопланетяне, которых никто не понимает“... О чём она вообще думает?»

«Она просто слишком одинока», — тихо ответил Цяо Кайпин, сидя на диване.

«У других детей тоже по одному ребенку, они тоже бывают одиноки, но никто из них не погружается в свой мир так... как она. Она живет слишком похоже на персонажа романа».

«Может, она просто такая», — он сделал паузу, — «но разве мы когда-нибудь по-настоящему позволяли ей быть такой?»

Юйин долго молчала; свет уличных фонарей, проникавший через окно, освещал её лицо. Через некоторое время она повернулась, и в её голосе слышались спокойствие и решительность.

«Может быть... стоит подумать об интернате в городе? Там строгий режим обучения, и рядом будут другие дети, с которыми она сможет расти. Если позволить ей так продолжать, боюсь, что в будущем она перестанет разговаривать с кем-либо».

Цяо Кайпин не ответил сразу. Ночь была глубокой, часы тихо тикали.

Именно в тот вечер, спокойный до нереальности, в мире Цзя Цзя тихо началось медленное изменение.

Солнечный свет, пробиваясь сквозь старую акацию у входа в переулок, рассыпал пятнистые тени по маленькому дворику. В кастрюле булькал и пузырился каша из сладкого картофеля, а в воздухе витал сладковатый аромат. Цяо Цзя сидела на маленькой бамбуковой скамейке, прижимая к груди только что взятую в библиотеке книгу «Гарри Поттер и философский камень»; её взгляд был устремлён на строчки, но мысли уже давно унеслись куда-то далеко.

Когда она дочитала до сцены, где Хаггл выводит Гарри из той удушающей комнатки под лестницей в Диагональный переулок, в её душе внезапно зародилось легкое желание. Быть обнаруженной, признанной, увезенной — не из-за озорства или несоответствия общепринятым нормам, а потому, что она изначально принадлежит другому месту.

Она опустила взгляд на страницу в руке и вдруг подумала: а если бы действительно кто-то пришёл за ней, то не было бы ли там тоже письма с её именем?

Но реальность не бывает такой романтической, как в книгах. «Забрать» в реальности — это не какой-то волшебный ключ, а брошюра для абитуриентов с надписью «Единство, трудолюбие, прагматизм, инновации».

«Цзяцзя», — раздался голос отца у двери.

Она подняла голову: отец стоял на пороге, одну руку засунув в карман брюк, а в другой держа тот самый тонкий проспект. На обложке была фотография новой школы: серо-белое учебное здание, стандартная спортивная площадка, аккуратно развешенные красные баннеры — всё это выглядело необычайно строго.

«Через несколько недель я отправлю тебя в новую школу. Посмотри-ка сначала, чтобы заранее освоиться».

«Я не хочу туда идти», — вырвалось у неё, и слова прозвучали быстрее, чем она сама предполагала.

«Ты постепенно привыкнешь, когда туда поедешь», — отец сделал паузу. «Там учителя требовательные, а общежитие чистое. Ты ведь и раньше бывала одна».

«Но бабушка здесь», — тихо сказала она. «А там... там никого нет».

«Твоя мама много работает, я тоже нечасто бываю дома, тебе придётся научиться быть самостоятельной».

«Но мне всего десять лет», — она прикусила губу, и её голос стал едва слышным, — «мне всего десять лет...»

Отец не ответил, а лишь протянул руку и нежно погладил её по волосам — словно хотел замять эту тему, а может, убедиться, что ничего уже не изменить.

В тот вечер она не съела ни кусочка. На столе стояли её любимые свиные ребрышки в кисло-сладком соусе, но она даже не взглянула на них. Старушка Чжао вздохнула, не стала уговаривать, а просто незаметно положила очищенное яйцо, сваренное в чае, рядом с её миской.

Чуть позже десяти вечера бабушка собралась ложиться спать, а Цяо Цзя всё ещё сидела на краю кровати, не шевелясь, прижимая к груди «Мяо-Мяо» с почти оторванным ушком, а взгляд её был пуст, словно она плыла где-то далеко.

— Бабушка... — внезапно заговорила она, — тебя в детстве отдавали кому-нибудь?

— «Отдавали?» — старушка Чжао, накинув свитер, подошла и села рядом с ней. — «Почему ты вдруг об этом спрашиваешь?»

— Ну, это когда... не знаешь почему, но тебе приходится покинуть привычное место, и другие решают, куда тебе идти.

Старушка помолчала, глядя на трещину на потолке.

«Когда я была маленькой, был голод, и меня отправили к родственникам в Цзянсу, чтобы я там укрылась. Я несколько дней не ела, у меня даже подошвы с обуви отвалились».

«А ты хотела вернуться домой?»

— Конечно. Но тогда я была слишком мала, чтобы вернуться.

Цяо Цзя опустила голову и ногтями медленно сдирала нитки с края одежды куклы.

«Я не боюсь уезжать далеко... Я просто боюсь, что обо мне никто не вспомнит».

Старушка Чжао не ответила сразу, а просто прижала её к себе и стала нежно поглаживать по спине.

«Глупышка, те, кто тебя помнит, не забудут тебя только потому, что ты далеко».

Цяо Цзя прошептала: «Но мои мама и папа... разве они когда-нибудь по-настоящему помнили обо мне?»

Старушка больше ничего не сказала, только ладонью поглаживала ей спину, так же, как убаюкивала её в детстве.

В ту ночь они лежали, прижавшись друг к другу, и ни слова не сказали. Она не знала, что будет дальше, но знала только одно: в этот момент бабушка ещё была рядом, она сама тоже была здесь — и этого было достаточно.

В выходные старушка Чжао начала помогать Цяо Цзя собирать вещи.

Постельное бельё уже давно было вывешено на солнце и аккуратно сложено, а одежда — поглажена. Она сняла с верхней полки шкафа тот маленький ящик, который в Кайпине больше не использовался, и тщательно, раз за разом, протирала его корпус влажной тряпочкой.

«Больше я ничего не скажу, главное — чтобы всё было чисто и аккуратно. Когда приедешь туда, не ленись, грязные ботинки чисти сама», — бормотала она, складывая носки.

Цяо Цзя сидела на краю кровати, прижимая к груди «Мяо-мяо»: то она запихивала его в чемодан, то снова доставала и задумчиво смотрела на него.

«Возьми с собой», — бабушка заметила её колебания. «Неважно, что другие говорят, что она потрёпанная или старая, это подарок твоих родителей. Иногда важно не то, что кто-то говорит, а то, что он просто всегда рядом».

Она кивнула и осторожно уложила куклу на самое дно чемодана.

Помимо сменной одежды она взяла с собой ещё несколько книг: иллюстрированное издание «Книги гор и морей», маленький дневник, обклеенный наклейками, и пенал, наполненный разноцветными карандашами.

«Если я напишу тебе письмо, ты ответишь мне?» — внезапно спросила она.

«Конечно», — улыбнулась старушка Чжао. «Я даже могу нарисовать тебе картинку».

«Тогда я нарисую, как ты сушишь финики, а ты нарисуешь, как я прыгаю на скакалке, хорошо?»

«Хорошо».

Они переглянулись, а потом обе улыбнулись, словно заключив очень торжественное соглашение.

В день отъезда ещё не совсем рассвело, и улицы были окутаны белым туманом.

Отец приехал за ней; машина остановилась у входа в переулок — это был старый «Бьюик», выданный его организацией. Старушка Чжао вышла с чемоданами, а в одной руке у неё был термос.

«Выпей ещё пару глотков, чтобы в дороге не захотелось пить», — сказала она, протягивая термос. «В машине сильный ветер, не открывай окна».

Цяо Цзя послушно взяла от бабушки чашку с отваром из красных фиников и лимонника; пар слегка обдавал кончик носа. Она опустила голову и сделала глоток — вкус был сладким и мягким, но не смог развеять горечь в душе.

Отец загрузил багаж в машину и, не поднимая головы, сказал: «Поехали».

Она ответила «да» и подошла к двери машины, но не удержалась и оглянулась: бабушка стояла у входа в переулок, плотно застегнувшая шерстяное пальто, с одной рукой, прижатой ко лбу — то ли чтобы защититься от ветра, то ли чтобы с трудом сдержаться и не помахать на прощание.

Когда машина тронулась, она слегка подпрыгнула, и пейзаж за окном начал медленно отступать. Она увидела тот старый финиковый дерево, над карнизами которого летом стрекотали цикады по всему переулку; ту швейную машинку, за которой бабушка сидела вечерами, подшивая ей юбки для кукол; пар, поднимающийся от плиты, и знакомый аромат блюд — всё это слилось в ореоле света заднего зеркала.

Бабушка всё ещё стояла, не сдвигаясь с места. Ветер растрепал ей пряди волос на лбу, но не смог унести печаль из её глаз.

Цяо Цзя не плакала. Она лишь тихо прижала ладонь к стеклу, и на стекле остался размытый след от пота. словно она хотела понемногу запечатлеть в глубине памяти то доброжелательное лицо, те руки, которые поглаживали её по спине, и те детские годы, проведённые у старой кирпичной стены, чтобы они никогда не потерялись.

Машина ехала на восток, выехала из города и вышла на трассу. Вид за окном сменился: низкие жилые дома сменились бескрайними пшеничными полями, а затем — пригородным пейзажем, изредка украшенным небольшими лавками и кирпичными заводами.

Цяо Цзя прислонилась к окну, прижав лицо к холодному стеклу, но взгляд её не фокусировался ни на чём. Отец на переднем сиденье ответил на несколько служебных звонков; он говорил негромко, но его тон, как всегда, оставался деловым.

«Приехали», — сказал он, повесив трубку и бросив на неё взгляд.

Ворота школы представляли собой две светло-голубые железные створки, на которых белой краской было нанесено: «Иностранная школа-интернат города Цюйфу». По обе стороны от ворот тянулась стена из белого кирпича, слегка пожелтевшего, словно сошедшая со страниц старого учебника по китайскому языку для начальной школы.

На посту стоял мужчина средних лет в военной фуражке, с загорелой до блеска кожей, гладко выбритым лицом и низко опущенными бровями — он выглядел так, будто не собирался ни с кем ни слова обмениваться.

— Новички? — он поднял глаза и посмотрел на них.

— Да, в четвёртый класс, — ответил отец, протягивая пачку документов для зачисления.

Он перелистнул несколько страниц, его взгляд остановился на лице Цяо Цзя, он пристально посмотрел на неё в течение двух секунд, а затем поднял подбородок, давая знак, чтобы они заходили.

Учебное здание представляло собой старое трехэтажное здание с бетонными стенами, окрашенными в бледно-белый цвет; в углах краска местами отслаивалась, а по краям оконных рам проступали пятна ржавчины. Перед зданием располагалась спортивная площадка, окруженная красно-коричневой беговой дорожкой; посередине стояли три железных флагштока, на которых висели скрученные в клубок флаги, которые ветер не мог развеять, а их цвета под солнцем несколько поблекли.

«Сначала закончи здесь начальную школу, а там посмотрим», — отец поднял чемодан и сунул его ей в руки, говоря, как всегда, лаконично: «Веди себя хорошо. Не устраивай больше никаких „инцидентов с храмом Конфуция“».

Она ничего не ответила, лишь слегка кивнула.

Учительница, распределявшая учеников по классам, звалась Ван. Это была худенькая, деловитая женщина в очках с темно-зелёной оправой, в голосе которой слышалась непререкаемая авторитетность.

«Ты Цзяо Цзя?» — она листала список учеников, говоря ровным, неторопливым голосом. «Четвертый класс, третий класс, общежитие на втором этаже женского корпуса. Иди за мной».

Общежитие представляло собой стандартную комнату на четверых: белые стены, цементный пол, вдоль стены аккуратно выстроился ряд двухъярусных кроватей, посередине стоял длинный деревянный стол, а вокруг него — четыре пластиковых стула. В углу на стене висел розовый картонный плакат с надписью от руки «Доска оценки цивилизованности общежития», а на нём криво наклеены несколько наклеек в виде смайликов.

В воздухе всего кампуса витал смешанный запах стирального порошка, высушенных одеял и жира из столовой — словно это было какое-то замкнутое, но упорядоченное маленькое общество.

Кровать Цяо Цзя стояла у окна; на изголовье уже лежал комплект унифицированных хлопковых простыней с синей клеткой на белом фоне, а одеяло, сложенное в аккуратный квадрат, прижато к кровати ровно и прямо. Она стояла у кровати с чемоданом в руках, чувствуя себя немного неловко, и на мгновение не знала, куда положить вещи.

В общежитии уже было несколько девушек: кто-то стоял перед зеркалом и завязывал волосы, кто-то сидел на кровати и читал комиксы. Она стояла на месте, словно новый предмет мебели, только что занесенный в комнату, тихо, не зная, в какой уголок ей вписаться.

«Ты новенькая, да?» — внезапно раздался голос, полный улыбки.

Она подняла глаза: с противоположной кровати с «плюхом» прыгнула высокая девушка в спортивных штанах, закатанных до икр, с прищуренными глазами, словно только что побывавшая на солнце.

«Меня зовут Сюй Минюэ», — девушка подошла и первая протянула руку.

«Цяо Цзя», — тихо ответила она, на мгновение задержав руку в воздухе, но все же пожав руку соседке.

— Ты умеешь рассказывать истории? — внезапно спросила Минюэ. — Ты похожа на человека, у которого в голове полно историй.

Цяо Цзя на мгновение замерла, не ответив, лишь слегка подняв уголки губ. Она не совсем привыкла к такой прямолинейной сердечности, но и не отстранилась, как раньше, по инстинкту.

В тот вечер в общежитии ровно в девять погасили свет, и по коридору раздались шаги дежурного преподавателя, обходящего помещения. Девушки на кроватях ворочались: кто-то бормотал во сне, кто-то тайком играл в телефоне.

Цяо Цзя, прижав к себе «Мяо», сжалась в одеяле; в голове у неё царил шум, но она не могла произнести ни слова.

Ветер за окном колыхал занавески, тени на стене слегка дрожали, и ей показалось, будто кто-то издали окликнул её по прозвищу, а может, это был просто шум ветра, пронесшийся по коридору.

Она потрогала уголок одеяла рукой и прижала «Мяо-Мяо» к груди ещё крепче. Никто не заметил капли слёзы, скатившейся по её щеке — это было прощание, которого она сама не осознавала: прощание с тем двором, где она просыпалась рано утром и наблюдала, как бабушка сушит перец; прощание с вечерами, когда над плитой поднимался пар; и прощание с теми моментами детства, когда ей позволялось капризничать.

Она вспомнила запах бабушкиных простыней — легкий аромат мыльной воды с легким привкусом дыма — это было то уютное ощущение, которого не было в этом общежитии.

В темноте она протянула руку и достала дневник с наклейками, а при свете, пробивающемся из коридора, написала первое письмо.

«Бабушка:

Сегодня я приехала в университет. Здесь все мне незнакомо. Кровать очень твёрдая, а шторы серые.

Мою соседку по комнате зовут Сюй Минюэ, у неё аккуратно завязанные волосы, она рассказывала, что в детстве жила в жилом комплексе для семей военнослужащих. Она сказала, что я похожа на рассказчицу.

Я не доела обед, который раздали в школе. В блюде была морковь.

Я положила Мяо-Мяо у изголовья кровати — без тебя она, наверное, тоже не привыкнет к ночам.

Завтра хочу сходить в библиотеку и посмотреть, есть ли там «Сон в красном тереме». Хотя ты и говорил, что я ещё слишком мала, чтобы его читать.

Ты же ответишь мне, правда? Я наклеила на конверт маленькую наклейку с твоей любимой жёлтой розой.»

Закончив письмо, она аккуратно сложила листок и вложила его в заранее подготовленный конверт. На месте запечатывания она слегка нажала пальцем, словно совершая какой-то тайный ритуал, как будто в этот момент что-то торжественно было передано.

На следующий день в полдень она в одиночку отправилась в библиотеку.

Это была старая комната в самом восточном углу первого этажа учебного корпуса, на двери которой висела синяя табличка с немного облупившейся краской: «Читальный зал». Открыв дверь, она вошла внутрь: в воздухе витал запах бумаги и дезинфицирующего средства, рядами стояли деревянные книжные полки, бетонный пол блестел, а шаги звучали звонко и пусто.

Она долго стояла перед полкой с «Классической прозой», пробегая пальцами по рядам книг. Наконец, на третьей полке она нашла ту самую книгу, которая бесчисленное количество раз появлялась в её снах, — «Сон в красном тереме».

Обняв книгу, она села на место у окна; солнечный свет, косо проникавший из-за окна, окутывал края страниц мягким сиянием.

Она открыла первую страницу и, увидев три иероглифа «Человек из сна», почувствовала, как сердце слегка затрепетало; её охватило неопишное чувство знакомости, словно нить, медленно распутывающаяся в глубине души.

Она знала, что ещё не готова по-настоящему понять эту книгу, но хотела попробовать. Так же, как она пыталась понять слова матери «тебе нужно научиться быть самостоятельной», пыталась привыкнуть к правилам и молчанию этой школы, пыталась стать в глазах окружающих «ребёнком, о котором не нужно беспокоиться».

Она перелистнула страницу, потом ещё одну — между страницами раздался едва уловимый шелест. Кто-то прошёл мимо неё, но она не подняла головы. В библиотеке было так тихо, что казалось, будто слышен звук солнечных лучей, падающих на пол.

Внезапно ей показалось, что в этом старом здании она наконец-то нашла уголок, где можно уютно устроиться.

Здесь было ещё тише, чем в общежитии, и даже не произнося ни слова, она могла тихо разговаривать с миром.

В те годы Цяо Цзя постепенно выросла в интернате. Она научилась складывать одеяло аккуратными квадратиками, как кубики тофу, и научилась безропотно ждать, пока другие не закончат пользоваться краном, чтобы помыться; она начала помогать дежурным по классу вытирать доску и на вечерних занятиях исправлять упражнения других учеников красным

карандашом. В глазах учителей она стала «послушной девочкой», но в душе она знала, что эта «послушность» объяснялась лишь тем, что ей негде было капризничать.

Библиотека стала для неё убежищем. После уроков другие дети бегали по спортивной площадке, а она предпочитала сидеть в одиночестве у окна и листать толстые книги. Некоторые книги ей было нелегко понять, но ей нравилось это ощущение исследования неизвестного. Она переписывала понравившиеся фразы шариковой ручкой на последних страницах тетради для сочинений, словно тайно копила личный секрет. Она помнила один отрывок, который переписала три раза:

«Вся наша жизнь заключается в том, чтобы освободиться от чужих ожиданий и найти свое истинное «я».

Она ещё не до конца понимала всю глубину этих слов, но чувствовала, будто они обращены именно к ней.

Когда она перешла в среднюю школу при языковом училище, учебная нагрузка стала всё тяжелее, а её дневник — всё более беспорядочным. Она начала записывать секреты, смешивая английские слова с иероглифами, и обозначать имена людей аббревиатурами. Она писала о том, как ее соседка по парте играет на баскетбольной площадке, о старых кожаных туфлях, которые мама надевала, когда пришла к ней в школу на прошлой неделе, и о том, как ей приснилось, что она бежит по берегу озера: за ней никто не гонялся, но она так и не осмеливалась остановиться.

Тем зимой она рано заполнила свой дневник и перешла ко второму; на последней странице она написала:

«Я надеюсь, что однажды то, что я пишу, станет не просто дневником, а текстом, который действительно кто-то будет читать».

Она не знала, сколько ей придётся ждать, но была готова ждать, продолжая писать.

Учительница китайского языка средней школы, госпожа Чжан, впервые обратила внимание на Цяо Цзя во время урока сочинения.

Тема была «Я хочу сказать тебе». Большинство учеников написали свои сочинения по всем правилам: одни — трогательные, другие — смешные, но только Цяо Цзя сдала небольшой текст под названием «Письмо человеку, о котором никогда не закончу писать».

В тексте не было ни имен, ни ярких эмоций, только череда мелких воспоминаний: как кто-то собирал финики в сумерках, как старый радиоприемник играл старые песни на кантонском диалекте, как маленькая девочка лежала на прохладной рогоже и слушала, как дует летний ночной ветер. Слов было немного, но они словно проникли в душу, неся в себе нежную искренность.

Когда учительница Чжан в кабинете дошла до этого сочинения, она перечитала его дважды и в конце написала красным карандашом: «Спасибо, что написала это».

На следующий день она зачитала это сочинение на уроке, не назвав имени автора.

«Мы часто говорим, что нужно писать „сочинения с эмоциями“, но настоящие эмоции — это не то, чтобы кого-то тронуть, а то, что после написания тебе самой становится легче на душе». Она сделала паузу и бросила взгляд на задние ряды класса. «Я не называю имени, потому что мне кажется, она, возможно, больше хотела бы, чтобы её просто так, незаметно, услышали».

Сидящая в последнем ряду Цяо Цзя опустила голову, её лицо слегка покраснело, но под столом она слегка сжала кулак. В тот момент она впервые почувствовала, что написанное может быть прочитано другими, и для этого не нужно ни объяснений, ни попыток понравиться.

После уроков учительница Чжан остановила её у двери класса.

«Цяо Цзя, ты очень хорошо пишешь», — с улыбкой спросила она. «Тебе нравится писать?»

Она кивнула.

«Тогда попробуй вот это», — учительница Чжан вынула из папки объявление о конкурсе. «Осенний конкурс сочинений, до окончания приема работ осталась неделя. Не ради приза, а просто для себя — попробуй написать одно сочинение».

Цяо Цзя взяла листок, засунула его в дневник, зажала на самом дне и три дня не открывала его.

Она не знала, стоит ли ей писать. То, что она писала, не походило на то, что писали другие: «Родина в моём сердце» или «Я хочу стать преемником своего времени». Она писала о снах, о моментах, когда её не понимали, о тех словах, которые не осмеливалась произнести вслух. Она боялась, что над этим будут смеяться; боялась также, что учительница предложила это просто из-за мимолетного любопытства.

Но вечером четвертого дня она всё-таки раскрыла дневник.

Заголовок той страницы гласил:

«Другая сторона письма».

«Ты говоришь, что взросление — это научиться сочувствовать, а я хочу спросить: разве быть взрослой значит прятать в себе обиды и желание плакать?»

«Я не бунтарка, я просто боюсь, что вы будете относиться ко мне, как к воздуху».

«Я пишу письмо не для того, чтобы ты мне ответил, а для того, чтобы доказать, что я когда-то пыталась поговорить с этим миром».

«Это письмо — не жалоба, а стук в дверь. Кто-нибудь слышит?»

Она писала очень медленно, после каждой фразы останавливаясь, чтобы немного подумать, словно понемногу очищая душу от накопившегося прошлого, а затем осторожно вкладывая его в слова.

На следующий день она сдала сочинение учителю Чжану, не сказав ни слова.

Через неделю учитель Чжан, стоя у кафедры, объявил результаты конкурса.

«В этом конкурсе сочинений есть одно сочинение, которое, хотя и не заняло призового места, я хотела бы зачитать особо».

Она бросила взгляд на Цяо Цзя, но не назвала её имени.

«Эта работа не сложна и не вычурна, но она напомнила мне о некотором замешательстве и усилиях, которые я испытывала в юности. Писать нужно не для того, чтобы угодить другим, а для того, чтобы в темноте ночи не чувствовать себя такой одинокой».

Цяо Цзя опустила голову и нарисовала в тетради цветок, в центре которого написала один иероглиф: «Слушать».

В тот день после уроков она одна пошла на скамейку у спортивной площадки и долго сидела там.

Ветер был немного прохладным, листья с деревьев медленно опускались на землю под серо-голубым небом.

Она достала дневник и написала одну фразу:

«Впервые меня называли по имени, но не за то, что я совершила ошибку, а потому, что мои слова были услышаны».

В тот день после окончания вступительных экзаменов Цяо Цзя одна вышла из учебного корпуса. Было так жарко, будто кто-то засунул весь мир в духовку: школьная форма прилипла к спине, а пот оставил мокрые круги на ремнях рюкзака. Спортивная площадка была пуста, а по школьному радио всё ещё звучала речь старшеклассницы, поступившей в прошлом году в ведущую провинциальную среднюю школу. Она не разобрала, что именно говорила та девушка, но запомнила только три слова в конце фразы: «цель», «прорыв», «не упустить молодость».

Она, словно только что проснувшаяся девочка, шагнула в новый, слишком яркий мир.

На этот раз она не просто сменила общежитие, а переехала в другой город.

Благодаря результатам по китайскому языку и английскому, входившим в число лучших в городе, она поступила в ведущую провинциальную среднюю школу. Учебный корпус был

величиной с торговый центр: одна только столовая занимала два этажа, а в библиотеке стояли современные автоматы для выдачи и возврата книг. Ежедневные утренние занятия, вечерние самоподготовки и планирование учебных заданий были организованы как военная подготовка; стоя в перерыве в коридоре, она видела, как одноклассники один за другим мчатся мимо — повторяют материал, задают вопросы, записывают формулы, словно готовясь к самой важной битве в жизни.

А она сама казалась старым персонажем, только что выскользнувшим со страниц книги, и не могла угнаться за этим ритмом.

Она сидела в последнем ряду нового класса, а у её ушей звучали разговоры одноклассников об олимпиадах, конспектах и рейтингах. Она не вступала в разговор и не уходила, а просто постепенно отгоняла любопытство и возвращала взгляд к своему дневнику.

Она стала чаще вести дневник, уже не ограничиваясь описанием увиденного и услышанного, а записывая какое-то неопределимое «ощущение» — словно время толкает её вперёд, но ей всегда кажется, что её тень осталась на прежнем месте.

Она пыталась записывать свои эмоции на английском, даже выделяла понравившиеся фразы на полях учебников, обводя их синей ручкой. На полях книги «Своя комната» она написала:

«Я хочу иметь собственную комнату,
где ни язык, ни душа не подвергались бы постороннему вмешательству».

Она не знала, чего именно ждёт. Друга? Прорыва? Или какого-то подтверждения своего существования?

Только на третьей неделе первого курса старшей школы тот не прекращающийся осенний дождь привел её в библиотеку и познакомил с Томом Нортоном.

Цзя Цзя, как обычно, уединилась на втором этаже школьной библиотеки у окна; на столе лежала раскрытая книга «Великий Гэтсби», а в тетради были плотно исписаны цитаты из оригинала и её размышления.

Она дошла до фразы: «Гэтсби верил в зелёный свет, в то экстатическое будущее, которое год за годом ускользает от нас...». Не успев дописать, она вдруг услышала тихий мужской голос: «Извините, вы не против, если я воспользуюсь этой розеткой?»

Она подняла голову и увидела стоящего рядом иностранца в льняной рубашке с холщовой сумкой через плечо, на лице которого играла сдержанная улыбка. Он был высокого роста, на щеках у него была легкая щетина, но взгляд его был мягким, не таким натужно-радушным, как у многих иностранных преподавателей.

«Можно», — кивнула она, и её голос прозвучал тише, чем обычно.

Он наклонился, подключил ноутбук к розетке и сел напротив неё. Капли дождя тихо стучали по оконным переплётам, в комнате царил тишина. Она опустила голову и продолжила писать, но заметила, что её сердце бьётся на полтакта быстрее, чем раньше.

«Тебе нравится Фицджеральд?» — внезапно спросил он.

Цзя Цзя подняла глаза и, немного помедлив, кивнула: «Мне... нравятся его фразы, они похожи на сны».

Он слегка улыбнулся, скрестив руки на краю стола: «Да, такие сны, колеблющиеся между желанием и разочарованием».

Она на мгновение растерялась, не зная, что ответить, и опустила глаза, перелистывая страницы книги. Сидящий напротив не стал продолжать разговор, а просто тихо открыл свой блокнот.

Через несколько минут он внезапно спросил: «Как тебя зовут?»

«Цзяо Цзя».

Он слегка повторил: «Цзяо... Цзя?»

Она кивнула.

Он словно что-то вспомнил: «Ты знаешь пьесу Ибсена „Кукольный дом“?»

Её глаза засияли: «Я читала китайское издание. Ту сцену, где та женщина выходит за дверь, я запомнила до сих пор».

Он улыбнулся, и в его взгляде появилось признание: «А знаешь ли ты, как её зовут?»
«Нора».

Он тихо произнес это имя: «Нора». Затем посмотрел на неё и сказал: «Если у тебя ещё нет английского имени, я думаю, это имя тебе очень подходит. В тебе есть что-то от неё: чувствительность, молчаливость и упрямство».

Цзя Цзя на мгновение замерла. На неё ещё никогда так не смотрели — не как на «озорную ученицу», не как на «девочку из среднего класса», не как на «ту, кто в будущем поступит в престижный университет». А как на персонажа романа — её заметили и дали имя.

Она слегка кивнула.

«Я родом из Йоркшира в Англии», — внезапно сказал он.

«Тот самый Йоркшир из „Грозового перевала“?» — вырвалось у неё.

Он удивлённо улыбнулся: «Ты даже знаешь? Да, именно те пустоши, о которых Эмили Бронте написала в своём романе».

«Мне очень нравится эта книга», — тихо сказала она. «Такая любовь, когда воет ветер, — очень страстная и отчаянная».

«„Грозовой перевал“ был тенью моего детства», — сказал он, — «в детстве мы часто ходили в походы по пустошам, ветер был настолько сильным, что даже стоять было трудно».

Она слушала, и в её воображении возникла безбрежная пустошь, по которой ветер мчался, словно дикий конь. Она тихо сказала: «Я всегда хотела туда съездить».

Он пристально посмотрел ей в глаза: «Однажды ты туда поедешь, Нора».

С того дня у неё появилось секретное английское имя. В дневнике, тетрадах и на стикерах на внутренней стороне ящиков она снова и снова писала: «Нора».

Лишь через несколько дней она узнала от других, что тот иностранец, который «пришёл в библиотеку, чтобы одолжить розетку», был новым учителем английского — Томом Нортонем.

Его уроки совершенно отличались от уроков других учителей.

Он не пользовался планом урока и не зачитывал конспекты. Когда звучал звонок, он входил в класс, потягивая кофе и напевая старую песню Леонарда Коэна; на доске были написаны не грамматические конструкции, а цитаты из фильмов. Иногда он читал на английском отрывок из произведений Харуки Мураками или Оруэлла, а затем с северным акцентом спрашивал по-китайски: «Как вы думаете, почему он это написал?»

На первом его занятии многие студенты были немного озадачены. Но Цзя Цзя была не такой.

Её конспекты были заполнены плотным почерком, а на полях были нарисованы маленькие портретики персонажей из книг. Когда она впервые написала имя «Мистер Нортон», она специально взяла ручку с синими чернилами.

Она никогда никому об этом не говорила, но каждый день приходила в аудиторию на двадцать минут раньше, только чтобы занять место в первых рядах.

Больше всего ей понравились слова, которые он сказал, рассказывая о «Гордости и предубеждении»:

«Позвольте мне сказать вам, как я вас уважаю и люблю».

Сказав это, он оглядел весь класс: «Как вы думаете, эта фраза устарела?»

Никто не ответил.

Она тихо написала в дневнике:

«Если однажды кто-то скажет мне эти слова, я ему поверю. Даже если он будет лгать».

Однажды после уроков Том подошёл к ней и спросил: «Тебе нравится Вирджиния Вульф?»

«Я читала только „Свою комнату“, — тихо ответила она.

«Тебе стоит попробовать „Миссис Даллоуэй“, — сказал он. — Ты неплохо пишешь, Чжоцзя, у тебя особая чувствительность к слову».

Её лицо мгновенно покраснело, а сердце забилося в груди, словно маленький барабан. Он знает, что она пишет? Откуда он это узнал?

Он достал из рюкзака ксерокопию: «Это мои конспекты по прочитанному, посмотри».

Она взяла листы и задрожала всем телом. В ту ночь она перелистала их целых пять раз — не для того, чтобы прочитать содержание, а чтобы посмотреть на его почерк. Под словом «silence» он подчёркнул строчку, а рядом со словами «feminine energy» нарисовал маленькую звёздочку.

Она бережно хранила эти детали в своём сердце, словно какой-то сокровище, о котором нельзя легко говорить.

После той встречи в библиотеке Цзяо Цзя стала внимательно следить за каждым занятием Тома. Она переписывала его конспекты, читала его блог и даже пыталась подражать его стилю письма. Она не знала, можно ли это назвать влюбленностью, но чувствовала, что он для неё — как окно, открывающее ей мир, о котором она и не подозревала.

Личный блог Тома Нортонa назывался «A Teacher in Translation». Он писал на английском о повседневной жизни преподавателя в Китае, а также делился своими нежными наблюдениями об этой незнакомой стране. Однажды он рассказал о поездке на ночном поезде в Сиань, чтобы посмотреть на Терракотовую армию, и о том, как по дороге беседовал с сидящим рядом крестьянином; в другой раз — о том, как, страдая от простуды и высокой температуры, он пережил болезнь благодаря кувшину чая с лисичкой и имбирем.

В конце той статьи он написал:

«Работа учителем в стране, где я говорю как ребёнок, заставила меня осознать, насколько тонким явлением является язык. Ты не просто переводишь слова. Ты переводишь самого себя».

Прочитав эти записи, Цзяо Цзя надолго затаила дыхание. На черновике она набрала следующую фразу:

«Ты говоришь, что переводишь „я“, но знаешь ли ты? Ты уже незаметно перевела меня».

Она не отправила это сообщение. Просто внизу страницы тетради написала: «Сегодня вечером в моём сердце очень тихо».

Похоже, она влюбилась. Но она не осмеливалась в этом уверенно сказать и не хотела признавать.

Она просто знала, что в её жизни как будто незаметно появилась вторая координата. И эта координата засияла в тот момент, когда он дал ей имя.

Через неделю она незаметно зарегистрировала блог. Страница была минималистичной, вверху была размещена картинка с изображением страницы из книги «Кафка у моря».

Она назвала блог «Записки анонима N».

Первым постом стала рецензия: «Месть „Грозового перевала“».

«Любовь Хисклифа и Кэтрин — это не держание за руки под лучами солнца, а то, что после того, как они разорвали друг друга в буре, они всё равно оглядываются назад в поисках друг друга».

В конце она написала: «Я не уверена, хочу ли я быть Кэтрин или призраком у её окна. Возможно, моя пустошь — это не пустоши Йоркшира, а расстояние между реальностью и языком».

Вторая статья — впечатления от просмотра фильма. Сцену «Carpe Diem» из фильма «Общество мертвых поэтов» она пересмотрела три раза, плача и делая заметки.

Третья статья адресована «человеку, который никогда не узнает о существовании этой страницы».

Она пишет: «Ты говорил, что литература — это взгляд одного человека на другого. Сейчас я как раз смотрю на тебя».

Она не подписала текст, лишь в конце оставила одну букву: «N».

Блог постепенно набирал посещаемость. Ей было всё равно, кто его читает, и неважно, что пишут в комментариях. Она просто хотела найти место, где можно было бы уложить те сложные эмоции, о которых нельзя было рассказать ни родителям, ни одноклассникам.

Её блог был как другой мир, спрятанный под её кроватью: там не было табелей с оценками, не было понятий «хорошо» и «плохо», не было «кто прав, а кто виноват». Там были только слова, которые она оставляла, а «N» — её единственная подпись в этом маленьком мире.

Тем зимой снег выпал особенно рано.

Гинкго у библиотеки почти оголилось, а на железных воротах у спортивной площадки лежал тонкий слой инея. Цзя Цзя начала страдать от бессонницы.

Однажды ранним утром в январе она, укутавшись в одеяло в общежитии, при свете маленького карманного фонарика написала письмо.

Это было не сочинение для урока и не анонимные переживания в блоге, а признание в любви в полном смысле этого слова.

Она написала:

«Ты сказал, что родом из места, где дуют сильные ветры. Позже я посмотрела на карте и обнаружила, что там действительно есть пустошь под названием Йоркшир.

Я не знаю, каков там ветер. Но я знаю, что с тех пор, как ты появился, я стала обращать внимание на направление ветра.

Если это не любовь, то ветер не запомнит имени».

Она писала, плача и смеясь одновременно.

Она боялась, что эти чувства будут раскрыты, и в то же время жаждала, чтобы он их заметил.

В конце она написала строку из народного любовного стихотворения: «Пока горы не станут ровными, а небо и земля не сойдутся, я не осмелюсь расстаться с тобой».

Она не знала, поймёт ли он это, но надеялась, что он прочитает.

На следующий день после уроков она разместила письмо на главной странице своего блога под названием: «Тому особенному, кто дарит мне жизнь».

Она не упомянула ни имени, ни статуса, ни школы. Но эмоции в том письме были слишком искренними, а слова — слишком глубокими, и даже прочитав всего один-два абзаца, можно было почувствовать всю силу этой страсти.

Она думала, что это останется незамеченным.

Через три дня дело, словно размотанная нить воздушного змея, полностью вышло из-под контроля.

Хотя она и не упомянула ни одного имени, фраза «Ветер Йоркшира» была слишком броской. Кто-то быстро догадался, что речь шла о новом британском преподавателе Томе Нортоне.

В группе учеников поднялся настоящий переполох: кто-то делал скриншоты с подписью «Угадайте, кто это», кто-то пересылал сообщение в группу родителей, а кто-то анонимно опубликовал пост на форуме:

«Некая девушка публично призналась в любви преподавателю-иностранцу; текст трогает до глубины души, но его откровенность поразительна».

«Ты знаешь, о ком она пишет?»

«Слишком неподобающе».

«Как школа собирается с этим разобраться?»

Её вызвали в кабинет директора.

Заместитель директора, надев очки, говорил так спокойно, будто читал какой-то документ: «Ты понимаешь, что наделала?»

Она опустила голову и промолчала.

«Мы нашли то письмо — ты опубликовала его в своём блоге, верно?»

Она кивнула.

Заместитель директора сделал паузу и сказал: «Том вчера подал заявление об увольнении. Он попросил меня передать тебе, что высоко ценит твой талант, но не хочет, чтобы из-за этого тебя втягивали в новые слухи. Он также подчеркнул, что никогда не допускал по отношению к тебе никаких неправомерных действий».

Перед глазами у неё всё закружилось, словно кто-то сорвал потолок.

Том уволился?

Это же её вина, да?!

Вернувшись в тот день в общежитие, она удалила блог, распечатала письмо и разорвала его на клочки, а в тетради черным фломастером зачеркнула слово «Нора», написанное ранее, штрих за штрихом.

Она не знала, ненавидит ли она себя или весь этот мир.

Писательство когда-то было для неё единственным способом выразить себя. А теперь оно обернулось против неё.

Когда мать примчалась в университет, первое, что она сказала, было: «Как мы могли воспитать такую мечтательницу?»

Отец промолчал, но в машине по дороге домой всё время смотрел в окно.

Она сидела на заднем сиденье, прижав лицо к стеклу, и закрыла глаза.

Про себя она сказала: «Я больше не буду писать. Вы теперь довольны?»

В день начала зимних каникул весь городок погрузился в снежный туман.

Она вернулась к бабушке, как беженка залезла под одеяло и целых два дня не выходила из дома.

Бабушка не спрашивала, что с ней случилось. Просто каждый день ранним утром она тихо говорила у её кровати: «Вставай, покушай чего-нибудь горячего».

Во сне она снова и снова прокручивала в голове то письмо.

В мире того письма она не была виновата. Она просто сказала правду.

Но реальность не принимает правду.

Реальность требовала, чтобы она вела себя хорошо, молчала и забыла о своих чувствах.

Однажды глубокой ночью она сказала бабушке: «Я хочу уехать отсюда».

Бабушка отложила вязание и спросила: «Куда?»

«Чем дальше, тем лучше».

«А твои родители согласятся?»

«Они не будут меня останавливать», — сказала она, стиснув зубы.

Бабушка посмотрела на неё некоторое время: «Ты всё хорошо обдумала?»

Девочка кивнула: «Здесь я даже во сне должна говорить очень тихо».

Бабушка больше ничего не сказала, только погладила её по голове и тихо проговорила: «Если хочешь уехать, то уезжай, но не забудь вернуться».

Через несколько дней Юйин вернулась из отпуска с работы и, как только вошла в дом, бросила на журнальный столик цветной рекламный листок, говоря так спокойно, будто просто повторяла чужое решение:

«Мы же давно говорили, что поездка за границу для изучения английского пойдет тебе на пользу. Об этом инциденте узнала вся школа, тебе здесь больше не будет спокойно».

Кайпин подхватила: «У тебя неплохая база по английскому. Агентство говорит, что подготовительный курс в Новой Зеландии тебе подойдет, а процедура подачи заявления проста. Мы уже связались с ними, стоит только условия устроят — и можно ехать».

Цзяо Цзя опустила взгляд на листовку: бумага была гладкой и холодной, на ней были напечатаны рекламные слоганы вроде «Англоязычная среда, обучение в небольших группах,

прямой путь в престижные университеты мира», а на иллюстрации несколько молодых людей с золотистыми волосами и голубыми глазами сидели на траве и широко улыбались.

Она пристально смотрела на эту фотографию, но в голове у неё всплыла фраза, которую Том написал в своём блоге:

«Новая Зеландия кажется краем света. Но, возможно, именно здесь начинается исцеление».

Она стиснула зубы: «Тогда поеду в Новую Зеландию, чем дальше, тем лучше».

В тот момент она не прослезилась и не испытала бурных эмоций. Как будто тело наконец-то догнало душу, которая уже давно прошла этот путь.

Через несколько недель отец положил перед ней стопку документов: «Мы связались с агентством. Они сказали, что твои оценки и результаты IELTS подходят, заявка на подготовительный курс в университете была быстро одобрена, и ты сможешь уехать уже осенью».

Она не поблагодарила, а просто опустила голову и молча прочитала письмо с предложением.

Эти строки были словно кусок темно-синей ткани, который сначала медленно обволакивал её, а потом тихо отстранялся, позволяя ветру обвевать её ноги.

Вернувшись в комнату, она открыла ящик и из самого нижнего яруса достала то письмо, которое когда-то разорвала на кусочки, а потом спрятала. Сердцебиение той ночи, те слова, которые так и не удалось произнести, тихо лежали в памяти.

Она сложила обрывки один за другим. Собрать их полностью не удалось, но она всё равно аккуратно сложила их и уложила на самое дно чемодана.

Утром в день отъезда мама приготовила ей яичницу-глазунью и, в конце концов, не стала произносить долгих прощальных слов, а лишь тихо сказала: «Не сиди допоздна, если что-то случится, позвони домой».

Отец снес чемодан вниз, почти не проронив ни слова. У стойки регистрации в аэропорту он протянул паспорт и билет, похлопал её по плечу и сказал тоном, как будто отправляя её в обычную командировку: «Когда будешь там, не будь такой упрямой. Не стоит сравнивать себя с другими, главное — жить хорошо».

Она кивнула и тихо ответила: «Я знаю, я буду звонить домой».

Перед посадкой мама стояла за стеклянной перегородкой, махала ей рукой, шевелила губами, но не произносила ни звука.

Она не осмелилась оглядываться слишком долго и быстрым шагом направилась к выходу на посадку. Шаги позади, объявления по громкой связи и скрип тележек сливались в единый шум, а в ушах у неё осталось только собственное сердцебиение, удары которого отзывались в груди, словно подтверждая: на этот раз она действительно уезжает.

В тот момент, когда самолёт взлетел, она смотрела, как облака за окном медленно перекатываются в свете неба, и тихо прошептала себе:

«Том, если ты всё ещё читаешь мой блог, я хочу сказать тебе, что я по-прежнему Нора. Даже если впредь никто больше не будет называть меня этим именем».

Она закрыла глаза и долго выдохнула. Та история, оставшаяся без отклика, в других широтах, возможно, будет продолжена.

Глава 2. Тень чужой страны

Нора думала, что она хорошо подготовилась. Оценка 8 баллов по IELTS, с детства погружённая в мир англоязычного кино, сериалов и литературы, отличная успеваемость в китайской международной школе — всё это заставляло её полагать, что адаптация к студенческой жизни в Окленде, Новая Зеландия, не составит большого труда.

Но только ступив на эту землю и оказавшись на углу улицы, овеваемом морским ветром, она поняла, что языковой барьер гораздо выше, чем можно измерить экзаменационными баллами.

Она помнит тот день, когда впервые прилетела в Новую Зеландию. Самолёт плавно приземлился в аэропорту Окленда, а за окном простирались обширные зелёные луга и низко нависающие облака, словно вход в какой-то далёкий мир. Таща тяжёлый багаж, она вышла из терминала, и ей в лицо ударил влажный воздух с привкусом соли — совершенно иной, чем сухой и пыльный климат Цюфу.

Её встречала мама из принимающей семьи, Джейн — белая женщина лет сорока в очках, одетая просто и с сдержанной улыбкой. Джейн поздоровалась с ней на неторопливом новозеландском «киви-английском»: «Welcome, Nora. Long flight, huh?» Нора изо всех сил кивнула, пытаясь отыскать в памяти правильную фразу в ответ, но рот у неё пересох, и она не смогла произнести ни слова. Она лишь улыбнулась и тихо ответила: «Да, спасибо».

В машине играла джазовая радиостанция, Джейн время от времени говорила что-то, но Нора понимала лишь половину. Она сидела на пассажирском сиденье, словно марионетка, и взгляд её блуждал по быстро проносящимся за окном улицам. Правостороннее рулевое управление, левая полоса движения, мигающий зелёный свет светофора — всё это сбивало её с толку. Она снова и снова повторяла про себя: «Ничего страшного, я привыкну».

Первый ужин стал для неё самым тревожным моментом в памяти. На столе стояли говяжий пирог, кукурузное пюре и слегка недожаренная брокколи. Ни риса, ни супа, ни горячей воды — только холодное молоко и ледяное пиво. Она скованно откусила кусочек пирога с говядиной: во рту раздался насыщенный вкус мясного соуса, но в душе она тосковала по домашней лапше с горячим бульоном. Младший брат из принимающей семьи ловко резал еду ножом и вилкой, время от времени макая кусочки в томатный соус, а она даже не могла правильно держать столовые приборы.

После ужина Джейн сказала: «Just leave the dishes in the sink.» Но ла кивнула, в результате засунула в раковину и тарелки, и стаканы, и забыла вылить остатки напитков. Отец из принимающей семьи подошёл, посмотрел на это и с улыбкой сказал: «It's okay. You'll get the hang of it.» Но она прочитала в его взгляде смутное недоумение и отстраненность.

В тот вечер она осталась одна в комнате, сидя на маленькой кровати, застеленной простынями землистого цвета, и смотрела на простую абстрактную картину на стене. Ей не удалось натянуть одеяло с ног на голову, потому что в этой семье принято укрываться только одним тонким пледом, постельное белье полностью западного образца, а перед сном не было ни таза для мытья ног, ни чайника с горячей водой, ни ритуала переодевания в пижаму. Окутавшись пледом, она почувствовала себя неудачной дублершей, которую в последний момент вытолкнули на чужую сцену.

«Возможно, я недооценила сложности жизни за границей», — записала она в блокнот. За окном ветер колыхал тени деревьев, и она впервые почувствовала, что «культура» — это не только язык, но и каждый вздох воздуха в повседневной жизни.

Через месяц она съехала из принимающей семьи.

Без ссор, без недовольства — просто тихое решение.

Позвонил агент и спросил, привыкла ли она к жизни здесь. Она помедлила и ответила: «Нормально. В общежитии как раз освободилось место, так что я перееду».

Отец из принимающей семьи отвез её на машине в университет, выгрузил её вещи из багажника и, стоя у входа в общежитие, улыбнулся: «Take care, Nora».

Она кивнула, с трудом выдав вежливую улыбку, но не знала, стоит ли отвечать «You too», и, боясь ошибиться, лишь слегка шевельнула губами, но все же проглотила слова.

В тот момент она осознала, что некоторые расставания происходят не потому, что кто-то сделал что-то не так, а потому, что между людьми всегда лежит прозрачная пленка. Как будто ты живёшь в одном доме, но так и не можешь найти свой уголок.

В общежитии было тише, чем в семье, и холоднее.

Её соседки по комнате жили каждая своей жизнью; кухня была чиста, как выставочный зал: все с опущенными головами готовили еду, а после ужина молча возвращались в свои комнаты. Никто не заводил разговора первым, но и никто не старался держаться на расстоянии. Это было похоже на здание, жильцы которого коллективно решили «стать невидимыми»: даже звуки стука посуды стали сдержанными, и в воздухе витала тишина, граничащая с религиозным благоговением.

Ей немного скучалось по прежним общежитиям в Китае — по вечерним беседам перед сном, по тому, как мы передавали друг другу чипсы, по шумным забавам при тестировании масок для лица, по тому чувству, когда от сплетен смеялись до слёз. Тогда было шумно, но весело — по-настоящему весело.

Здесьняя тишина — это другой набор правил: не мешать, не приближаться, не отвечать.

На занятиях в первую неделю сидящий рядом парень с улыбкой сказал: «I might just skive off and have a cheeky Masscas run. Keen?»

Нора на мгновение остолбенела. Она поняла, что это английский, но почувствовала себя так, будто её переключили на инопланетный канал.

«Ты... собираешься кататься на лыжах?» — тихо спросила она.

Парень рассмеялся: «Ты такая милая. Я имел в виду сбежать с урока в Макдоналдс, пойдешь?»

Подобные недоразумения происходили каждый день. «Sweet as» не означало «сладкое»; «Heaps» — это не «куча», а «очень много»; «No worries» звучало как утешение, но на самом деле было просто брошенной на ходу фразой «ничего страшного».

Язык не предал её, но и не защитил.

Она учила английский много лет, но никогда раньше в таких повседневных столкновениях не чувствовала себя как младенец, только что научившийся ходить.

Но она начала незаметно записывать эти слова, вписывая в дневник: «Skive off = прогулять уроки. Masscas = Макдональдс. Cheeky = непослушный, но милый».

За пределами класса вызовы были ещё больше. Во время обеденного перерыва однокурсники собирались вместе, чтобы обсудить последнюю серию «Shortland Street», а она не могла вступить в разговор; на занятии по киноискусству обсуждали фильм «Boy», она заполнила тетрадь заметками, но не произнесла ни слова, потому что не знала, с чего начать. Когда другие смеялись, она смеялась вместе с ними, но не понимала, в чём заключался повод для смеха; когда другие вздыхали, она молчала, потому что не слышала нюансов интонации, скрывающихся за эмоциями.

Нора начала сомневаться: чему же она училась на английском все эти годы?

Выученные из учебников фразы «May I use the restroom?» и «How do you do?», а также тексты дебатов и официальные сочинения из учебников здесь, казалось, были совершенно бесполезны. Чем больше она старалась говорить «правильно», тем больше казалась чужой в этом месте.

Ещё больше её расстраивала интонация, с которой она говорила по-английски.

Её интонация всегда звучала «по-учебниковому». Однокурсники не издевались над ней специально, просто иногда повторяли её слова, подражая её интонации, а потом смеялись и говорили:

«Звучит так официально».

Или: «Боже, как это мило».

Но это слово «мило» в её ушах звучало как тупой ножик, медленно режущий кожу на лице.

Она приехала сюда не для того, чтобы выступать на сцене. Ей не хотелось «говорить как» кто-то другой, она хотела по-настоящему жить этим языком и выражать себя с его помощью.

Но постепенно она осознала, что язык — это не просто правильная грамматика и точное произношение. Человек, по-настоящему принадлежащий к какому-то языку, не просто умеет говорить, но и обладает тем ощущением «присутствия», когда, говоря, не вызывает у окружающих особого внимания, а молча не чувствует себя чужой.

И именно этого чувства принятия ей не хватало больше всего.

Несмотря на то, что она старалась читать местные новости, пыталась понять иронию в диалогах фильмов и подражала интонации однокурсников, она по-прежнему чувствовала себя как неправильно вставленный кусочек пазла, который изо всех сил пытается вписаться в общую картину, но у которого всегда один уголок торчит.

Жизнь тоже не начиналась так легко, как в кино. Ей не повезло с радушной и общительной принимающей семьёй, и она не встретила ни высокого, богатого и красивого библиотекаря, ни романтического бариста.

Она тоже пыталась проявить инициативу. Однажды после ужина она принесла в столовую приготовленную ею кашу и с улыбкой спросила другую девушку: «Хочешь попробовать?»

Та вежливо ответила: «Спасибо, я не очень голодна».

Вернувшись в комнату, она вылила всю оставшуюся кашу в унитаз.

Ей казалось, что она, как тарелка с горячей кашей, вошла в дом, где все пьют только холодные напитки: никто её не ненавидел, но и по-настоящему принимать её тоже никто не хотел.

На столе стояла маленькая деревянная лампа с резьбой, привезённая из Цюйфу, с надписью «Сохраняй спокойствие при любых обстоятельствах».

В такие моменты ей обычно не удавалось заснуть. Она приподнималась, обнимая колени, включала телефон и открывала знакомое окно чата. Вверху страницы было написано: «Том Нортон».

Окно чата было пустым: ни синей отметки «Прочитано», ни новых ответов. Последнее сообщение, которое она отправила, было три недели назад.

«Дорогой Том, прости меня. Я очень скучаю по тебе. Скажи, пожалуйста, что нужно сделать, чтобы ты меня простил».

Оно висело там в одиночестве, словно письмо, которое никогда не дойдет до адресата.

В её телефоне хранилось не менее десяти неопубликованных черновиков. Некоторые из них насчитывали тысячу иероглифов, а в других было всего одно предложение: «Я поступила неправильно». Каждый раз, когда она хотела нажать «Отправить», её палец останавливался, словно его удерживала какая-то невидимая сила.

Иногда ей даже начинало казаться, что она преувеличивает. Может быть, в глазах Тома это было всего лишь случайным переходом границ в отношениях учителя и ученицы, просто недоразумением. Возможно, он вовсе не был так ранен, как ей казалось, а просто чувствовал неловкость и считало это неприятностью.

Но в другие моменты она в душе возражала себе: он потерял работу, был вынужден уехать из Китая и, возможно, даже не сможет вернуться к любимой профессии учителя. А всё это произошло из-за неё, из-за того необдуманного длинного письма, которое она написала в своём блоге.

В те дни каждое слово, написанное ею в блоге, исходило из сердца. Не для того, чтобы привлечь внимание, не для того, чтобы бросить вызов системе. Это было самое искреннее и смелое признание в её семнадцатилетней жизни.

Ей снился Том.

Во сне он стоял у окна библиотеки в серо-голубой рубашке, держа в руках книгу «Грозовой перевал»; ветер, дувший из открытого окна, развеивал его золотисто-каштановые пряди волос.

«Ты пришла», — он не обернулся, а лишь тихо произнес эти слова.

Она шаг за шагом приближалась, хотела протянуть руку и коснуться его плеча, но никак не могла подойти к нему.

«Почему ты меня игнорируешь?» — взволнованно воскликнула она.

Он наконец обернулся, но это уже не было знакомое ей лицо. Его глаза были пустыми, без выражения, словно размытый ветром портрет.

Когда она проснулась, углы её глаз уже были влажными.

В тот день она открыла почтовый ящик, отыскивала старое уведомление от школы, нашла адрес почтового ящика, которым когда-то пользовался Том, написала официальное письмо с извинениями и приготовилась отправить его на его старый школьный адрес:

Тема: Искренние извинения

Дорогой Том,

я знаю, что ты, возможно, никогда не получишь это письмо. Но я чувствую, что должна его написать, хотя бы ради честности.

Я никогда не хотела причинить тебе боль. То, что я написала тогда, было продиктовано страстью, растерянностью, восхищением и острой потребностью быть замеченной. Я не подумала о последствиях, и за это мне очень жаль.

Вы были первым взрослым, который не воспринимал меня как «проблемную девочку» или «образцовую ученицу», а видел во мне человека с собственными мыслями, противоречиями и мечтами. Вы дали мне имя Нора, и это имя до сих пор живет в моем сердце, даже сейчас, когда я нахожусь в стране за тысячи миль от вас.

Я не прошу прощения. Я просто хочу, чтобы вы знали: вы изменили мою жизнь, и если я сделала вашу жизнь хуже, то прошу прощения.

Нора

Она долго колебалась, но в конце концов так и не нажала кнопку «Отправить». Она выключила компьютер и спрятала голову под одеяло.

Поздно ночью, когда вокруг царила тишина, это чувство сожаления, словно тонкая и длинная игла, вонзалось в какой-то потаенный уголок её сердца — не резко, но так, что его было невозможно игнорировать.

Удалив блог, она больше никогда не писала публично. Она говорила себе: не пишу — значит, не ошибаюсь; молчание — самый безопасный способ самовыражения.

На занятиях она старалась сосредоточиться на лекции, переключая внимание на грамматику и этимологию. Но тень Тома по-прежнему всплывала в какой-то неожиданный момент: на краю выцветшей пометки на странице учебника, в луче заходящего солнца, проникающем в угол аудитории, или в тот миг, когда профессор упоминал «writing as healing».

Она помнила, как он стоял у кафедры и цитировал Вулф: «Писательство — это не побег от реальности, а способ переосмыслить реальность».

Но её реальность когда-то едва не рухнула из-за писательства. Она боялась снова потерять контроль, боялась, что её ручка снова превратится в острое оружие.

Через несколько дней на занятии по курсу «Язык и идентичность» профессор Ален рассказал о теории «третьего пространства», предложенной Хоми Барба.

«Мы не существуем в режиме „или-или“, — сказал он, — а являемся путешественниками, растущими „между“. Вы не сторонние наблюдатели культуры, а те, кто собственными руками вбивает сваи на стройплощадке своей идентичности».

Нора сидела в середине аудитории и смотрела на изображение на слайде: мост, сложенный из разных частей, с одной стороны — китайские выступающие карнизы, с другой — готический свод, а посередине — нерегулярная конструкция из стальных тросов.

Её сердце внезапно забилось на полтакта быстрее. Это был не так называемый в архитектурной терминологии «смешанный стиль» — это была она сама. Ей казалось, будто она стоит прямо посередине моста: позади — родной город, знакомый, но туда уже нельзя вернуться;

впереди — неизвестное, но не обязательно гостеприимное далекое будущее. Под ногами не было чувства принадлежности, только терпение и мужество, выросшие в щелях.

На полях тетради она написала:

Я не нахожусь между двумя домами. Я создаю новый дом между ними.

Я не застряла между двумя домами,
я создаю между ними свой собственный дом.

В этот момент один блондин поднял руку и спросил: «Профессор, а люди из несвободных стран тоже могут иметь „третье пространство“? Например... из Китая?»

В аудитории на мгновение воцарилась неловкая тишина.

Нора почувствовала, как на неё устремились несколько взглядов. Она инстинктивно выпрямилась, но кончик ручки, зависший над листом, так и не коснулся бумаги. Профессор Ален не ответил сразу, а лишь кивнул, давая студенту знак продолжать.

«Я имею в виду, — в голосе студента слышалось любопытство, — если человеку не разрешают даже выражать свои мысли, как он тогда может «конструировать свою идентичность»?

В аудитории раздалось несколько тихих смешков — не резких, но в них слышалось какое-то тонкое осуждение, которое она не могла понять, но чувствовала.

Она промолчала.

Она смотрела на изображение моста на экране и вдруг почувствовала, что она — не тот мост, соединяющий Восток и Запад, а трещина посередине моста. Стоит ветру усилиться чуть-чуть, как он развалится.

На самом деле ей очень хотелось заговорить.

Она хотела сказать, что и сама много писала, что и она по ночам снова и снова спрашивала себя: «Кто я?»; она хотела рассказать им, что её родной город — это не только молчание и ограничения, как в стереотипных представлениях, но и реальность, теплота, а также молодые люди, готовые из всех сил выразить себя.

Но она промолчала.

Не потому, что боялась, а потому, что знала: даже если скажет, её не обязательно по-настоящему поймут.

После урока люди в классе постепенно расходились. Она очень медленно собирала свои вещи, и когда в классе осталось всего несколько человек, она встала и, колеблясь, подошла к кафедре.

«Профессор Ален...» — её голос был очень тихим, словно эти слова только что вырвались из глубины души, — «На самом деле я хотела кое-что сказать».

Эллен как раз собиралась закрыть тетрадь, но, подняв глаза и увидев её, слегка улыбнулась и кивнула.

«Но я не сказала этого только что. Не потому, что у меня не было мыслей». Она сделала паузу, взгляд её слегка блуждал, «просто я не знала... какими словами выразиться, чтобы они действительно поняли».

Эллен посмотрел на неё, и его взгляд на мгновение стал сосредоточенным.

«Я понимаю», — сказал он.

Они помолчали несколько секунд, словно ожидая, что слова сами всплывут на поверхность.

«Ты пишешь?» — внезапно спросил он.

Нора кивнула.

«Тогда сначала пиши для себя, а потом для тех, кто, как тебе кажется, готов тебя выслушать», — сказал Ален мягким тоном; это было не наставление и не поощрение, а скорее деликатный совет, основанный на собственном опыте. «Иногда слова могут донести нас туда, куда не дотягивается речь».

Она тихо произнесла: «Спасибо». Затем, словно набравшись какого-то мужества, добавила: «У меня всё-таки есть один вопрос».

Ален посмотрел на неё, не выразив удивления, а лишь улыбнулся и кивнул.

«Если меня так и не примет ни одна из сторон...» — она сделала паузу, — «значит ли это, что у меня на самом деле нет чёткой идентичности?»

Элен помолчал, а затем медленно ответил: «Тогда ты создаёшь новую идентичность».

Он снова помолчал, словно ожидая, пока она осмыслит эти слова, а затем продолжил: «У тебя будут глаза, отличные от глаз обычных людей, способные видеть те щели между культурами и языками, которые другие привыкли пропускать. Это будет вызывать у тебя дискомфорт, вызывать сомнения, но именно это в конечном итоге даст тебе большую свободу».

Нора не ответила, лишь слегка кивнула.

Она не была уверена, что полностью поняла, что он имел в виду. Но одно она поняла точно: так тоже можно.

В тот вечер она снова открыла дневник и на одной из страниц написала:

«Находиться между двумя мирами — это не мое проклятие.

Возможно, это мой компас.

Нахождение между двумя крайностями — это не проклятие, возможно, это и есть направление, в котором я должна идти.

Закончив, она закрыла дневник и долго сидела, прислонившись к окну. Снаружи по-прежнему дул ветер, но ей вдруг показалось, что она уже не так растеряна.

Однажды на факультативе проходила межфакультетская лекция на тему «Нарратив одиночества в кино». В аудитории было приглушенное освещение, а на экране показывали сцену из фильма «Она» — медленное движение в одиночестве. Нора сидела у бокового окна, спиной к свету, и, глядя на экран, молча записывала в тетрадь одну из реплик фильма:

«Прошлое — это всего лишь истории, которые мы рассказываем самим себе».

Прошлое — это всего лишь истории, которые мы рассказываем самим себе.

Кадр сменился на теплые оранжевые тона: главный герой в одиночестве пробирался сквозь толпу в метро.

Она невольно остановила ручку и несколько секунд смотрела на экран.

В этот момент девушка в толстовке, сидевшая слева, повернулась к ней и тихо спросила: «Тебе не кажется... что сочетание оранжево-красного и серо-голубого в этой сцене просто великолепно?»

Нора на мгновение замерла, затем медленно кивнула: «Похоже, это такое сочетание, в котором чувствуется некоторая дистанция, но при этом есть и немного тепла?»

Глаза девушки засияли, и уголки её губ приподнялись: «Именно так! Я думала, что только я одна заметила эту цветовую комбинацию».

Она повернулась к Норле и первая протянула руку: «Меня зовут Элоиз, я учусь на факультете кино- и телепроизводства».

«Нора», — тихо ответила она.

«Ты, случайно, не записалась на языковой курс профессора Арена?» — продолжила Элоиз. «Он мой дядя. Недавно, когда мы обедали дома, он упомянул об одной китайской девушке, и мне показалось, что это, возможно, ты».

Нора на мгновение замерла, подняв голову: «... Я?»

«Он сказал, что одна студентка после лекции по „Третьему пространству“ задала ему много вопросов», — она сделала паузу, устремив взгляд на лицо Норы, — «Большинство азиатских студентов производят на него впечатление тихих, вежливых и хорошо успевающих, но ты немного отличаешься. У тебя есть какая-то необычная чуткость. Не эмоциональная, а такая, что позволяет улавливать разрыв между языком и идентичностью».

Нора промолчала. Она и не думала, что обычный вопрос, заданный после урока, будет упомянут и запомнен за обеденным столом в чужой семье.

«Он сказал, что даже поощрял тебя однажды написать об этом — для тех, кто тоже не может четко определить, к кому они принадлежат».

В тот момент Нора вдруг почувствовала, как у нее слегка запылало в груди — это было тепло понимания, которого она давно не испытывала.

«Вообще-то, я тоже часто не могу это объяснить», — Элоиз пожала плечами. «В детстве я переходила из школы в школу, то в Лионе, то в Окленде, и один только вопрос „кто я?“ мучил меня в голове несколько лет. Моя мама — француженка, папа — новозеландец, в моем французском слышны английские акценты, а в английском — французские, и учителя по произношению уже были готовы со мной сдаться».

Она говорила ни торопясь, ни затягивая, без тени саморекламы и саможаления — скорее, как будто превратила хаос в нечто естественное.

По окончании лекции они вдвоём вышли из аудитории бок о бок. На улице дул сильный ветер, и листья кружились в его порывах.

— Сегодня так холодно, — сказала Нора.

— В Окленде всегда такой ветер, — Элоиз подтянула шарф, — сколько бы ты ни надела, он всегда найдёт, куда проникнуть.

Нора слегка улыбнулась.

Выходя из учебного корпуса, они слышали, как вдали закрипели колеса самоката, а также смех и перебранки толпы.

«На самом деле я редко сама завязываю разговор с людьми», — внезапно сказала Нора, слегка понизив голос.

«Ты тоже так выглядишь», — Элоиз наклонила голову в сторону, — «но твоё молчание как-то другое».

— В чём разница?

«Это не та молчаливость, которая отталкивает людей. Скорее... как будто ты переводите», — она сделала паузу, — «не слова, а эмоции».

Нора не ответила. Она вдруг осознала, что эта оценка очень похожа на то, что сказал ей в тот день Аллен.

Она опустила взгляд на кончики своих туфель, медленно скользящих по земле, и сказала: «На самом деле я всегда чувствовала, что мои слова не до конца полны, будто только когда я их записываю, я понимаю, что на самом деле хочу сказать».

«Я понимаю», — тихо ответила Элоиз. «В детстве во французской школе надо мной смеялись из-за акцента, а потом, когда я приехала в Новую Зеландию, я не могла правильно употреблять времена глаголов. Поэтому я решила просто не объяснять, а показать вам на примере».

«Снять?»

«Фильм. Короткометражку. Звук, цвета, монтаж — возможно, они могут выразить мои мысли лучше, чем слова».

Они подошли к автобусной остановке, и Нора остановилась: «Знаешь, это, наверное, первый раз, когда я с кем-то говорю об этом и не чувствую себя так усталой».

«Тогда давай поговорим ещё раз», — Элоиз улыбнулась ей. «Заходи ко мне завтра вечером на ужин? Мои родители очень тщательно готовят, да и мама отлично разбирается в таких темах, как „самоидентичность“».

«Ты уверена?»

«Я уверена, что папа приготовит запеченную тыкву и говядину, тушеную в красном вине», — она приподняла бровь. «Просто приходи с хорошим аппетитом».

Нора улыбнулась, опустив глаза, и тихо сказала: «Хорошо».

Приглашение Элоизы на ужин было словно луч света, который незаметно пробился сквозь щель в её серой и унылой повседневной жизни студентки-иностранки.

Она помнила, что в тот день надела самый «безопасный» серо-голубой свитер — ни слишком броский, ни вызывающий. Она колебалась, стоит ли что-нибудь принести, но в конце концов выбрала в университетском супермаркете бутылку вина и коробку шоколада и осторожно сунула их в рюкзак. Она боялась, что с пустыми руками будет выглядеть невежливо, но в то же время боялась, что, принеся что-то неподходящее, станет предметом насмешек.

«Они не будут обращать внимания на такие мелочи», — улыбнулась Элоиз, принимая подарки из её рук. «Правда, расслабься, мои родители очень спокойные люди».

«М-м...» — кивнула Нора, но в душе по-прежнему не была уверена, с каким настроением ей следует войти в чужую семью.

Они доехали на автобусе до дома Элоизы — дома с желтыми стенами и небольшим садом, перед которым рос вишневый дерево, усыпанное белыми цветами. Солнечный свет пробивался сквозь листья и ложился на деревянные ступеньки, а на них лениво растянулся пухлый оранжевый кот, словно второй хозяин дома, приветствующий гостей.

Как только дверь открылась, в нос ударил аппетитный аромат.

Это был запах жареного мяса, чесночного хлеба и ещё какой-то травы, название которой она не знала, но которая понравилась ей с первого вдоха.

«Добро пожаловать, Нора!» — подошел высокий мужчина средних лет с глубоким, тёплым голосом. — «Я — Джонатан, а это моя жена Мариан».

Мариан высунула голову из кухни, на её фартуке были следы муки: «Привет, ты, наверное, та китайская подруга, о которой Элоиз так часто рассказывала. Добро пожаловать, дорогая!»

Это слово «малышка» заставило Нору на мгновение застыть.

Ни один взрослый, кроме бабушки, никогда так её не называл.

«За нашего особенного гостя сегодня вечером», — Джонатан поднял бокал. «Пусть Новая Зеландия станет для тебя вторым домом».

Все чокнулись бокалами. Нора осторожно отпила глоток и обнаружила, что это имбирный лимонад, а не алкоголь.

Мариан, нарезая говядину, спросила её: «Элоиза рассказывала, что ты родом из родного города Конфуция?»

«Да... Я из Цюйфу», — тихо ответила Нора.

— Вау, там, наверное, очень культурная атмосфера, — глаза Мариан заблестели. — В университете я читала «Лунь Юй». «Не делай другому того, чего не хочешь, чтобы делали тебе» — я до сих пор помню эту фразу.

Нора удивлённо расширила глаза, а затем кивнула: «Это самая известная фраза».

Она начала рассказывать о ярмарках в Цюйфу, о весенних жертвоприношениях, а также о том, как в детстве она бегала по усадьбе Конфуция и тайком листала старинные книги. Родители Элоиз слушали с большим интересом, время от времени кивая и задавая вопросы, словно она рассказывала не о каком-то далеком месте, а о каком-то духовном мире, который можно представить и к которому можно приблизиться.

Ужин прошел гораздо непринужденнее, чем она ожидала. Даже когда Джонатан протянул ей второй кусочек говядины, она, к своему удивлению, не стала отказываться.

После ужина Мариан предложила всем посмотреть фильм. Диван в гостиной был поразительно большим: все лежали рядом, укрывшись пледом, и вместе смотрели семейную комедию на экране. Элоиз даже положила ногу на колени отцу и в шутку спросила: «Ты, старый медведь, сегодня купался?»

Нора, смеясь, украдкой взглянула на Джонатана, а тот лишь ласково погладил дочь по тыльной стороне стопы: «Нет, не мылся, так что не прижимайся так близко».

У неё защемило в груди, и она почувствовала, как эта оживлённая сцена, словно игла, вонзилась в какую-то пустоту в её сердце. Она вспомнила, как в детстве пыталась взять отца за руку, но он оттолкнул её словами: «Ты уже такая большая, а всё ещё пристаёшь».

Она вспомнила строгое лицо матери, которая, когда она делала ошибку в написании, мягко вырывала из её руки ручку. Они не то чтобы не любили её. Просто их любовь всегда была сдержанной, серьёзной и дистанцированной.

В этот вечер ей казалось, будто чужой свет осветил какой-то уголок её души.

Вернувшись в общежитие, она долго лежала на кровати, и в голове у неё всплывали улыбки на лицах родителей Элоиз. Она ворочалась, не находя сна, а в голове крутились воспоминания о тепле того ужина и смехе.

Она открыла тетрадь и написала заголовок:

«Ощущение дома в чужбине»

«Раньше я думала, что уход из родного города — это разрыв.

Как будто перерезала невидимую нить и с тех пор плыла в воздухе, не имея ни направления, ни места, куда можно было бы вернуться.

Но потом я поняла, что ощущение дома не связано с каким-то конкретным местом. Дело не в том, где ты родилась, и не в том, что написано в прописанной книжке, а в том, сможешь ли ты в какой-то момент отбросить настороженность и почувствовать, что тебя поддержали.

Иногда «дом» — это тот вечер, когда из кухни доносится аромат чесночного хлеба, кто-то отодвигает для тебя стул и говорит: «Садись скорее, блюда остынут».

Иногда это когда ты в классе делишься небольшим сомнением, а кто-то, обернувшись, мягко кивает и говорит: «У меня тоже так».

Иногда это просто кошка, которая в самый тревожный для тебя день тихо запрыгивает тебе на колени, словно всё понимая, но ничего не говоря.

Я начала понимать, что у дома нет фиксированной формы: он может таиться в чашке чая, которую тебе протягивает другой человек, а может — в словах «Будь осторожен на дороге», сказанных тебе, когда ты выходишь из дома.

Направление «домой» — это не обязательно путь обратно.

Это может быть и то место, к которому ты постепенно идешь».

Когда она дошла до последней фразы, кончик пера слегка замер.

За окном снова поднялся ветер, словно только что написанные слова унесло в воздух.

Она закрыла тетрадь, и в душе у неё возникло какое-то незнакомое чувство умиротворения.

Это было не полное освобождение от груза, а скорее мирное сосуществование с тревогой.

Она знала, что по-прежнему будет скучать по Цюфу, по-прежнему будет ночами вглядываться в экран телефона, ожидая сообщения, на которое никогда не придет ответ.

Но она также знала: некоторые пути не нужно проходить заново, но следы, оставленные ими, будут сопровождать её на дальнейшем пути.

Внезапно она вспомнила тот день, когда стояла у дверей дома Элоиз: ветер проносился сквозь сакуры во дворе, и листья покрывали землю.

Она наклонилась, подняла один лепесток и вложила его между страниц книги. Это был первый «опавший листок», который она подобрала в чужой стране.

Не для того, чтобы сохранить весну, а чтобы сказать себе:

что и это место со временем может стать для неё домом.

В течение следующей недели она стала часто обедать и гулять с Элоизой, а иногда даже вместе с ней делать домашние задания.

Она заметила, что её речь стала более естественной: она перестала чрезмерно заикаться на структуре предложений и стала уделять больше внимания тому, что хотела выразить.

Она начала пробовать выражать свои мысли простыми словами, не боясь случайных ошибок и не стесняясь выглядеть смешной.

В конце семестра в школе прошел общешкольный литературный вечер. Тема мероприятия называлась: «The Self I See» («Я, каким я себя вижу»).

Каждого ученика призывали написать эссе на тему «идентичности» и зачитать его на вечере. Хотя участие не было обязательным, участники могли получить дополнительные кредиты и рекомендательное письмо от учителя. Сначала Нора не собиралась записываться — она боялась, что, взяв в руки ручку, вновь раскроет старые раны.

Элоиз записалась и убедила Нору тоже принять участие.

«Тебе стоит рассказать свою историю, — сказала она. — Ты переехала из маленького китайского городка в Новую Зеландию, пережила столько взлетов и падений. Людям нужно услышать такой голос».

«Но я... я боюсь, что они не поймут».

«Ну и что? Ты рассказываешь для себя, а не для того, чтобы им понравиться».

Нора колебалась несколько дней. Она открывала и закрывала документ, повторяя это несколько раз. Ей хотелось написать о слишком многом, и всё это было слишком личным: о детстве, начавшемся в усадьбе Кон, об имени Том, о скандале с блогером, о тоске по дому, сидя на берегу в Новой Зеландии, и о себе самой, которая так и не стала полностью принадлежать ни одному из миров.

И вот однажды, стоя у окна столовой, она услышала, как один из учителей ошибся, обращаясь к ней: «Цяо Цзя... Нора?» Она подняла глаза и улыбнулась: «Оба варианта подходят». В тот миг ей показалось, что сосуществование двух её имён — словно семя, пробивающееся сквозь землю.

В тот момент она вдруг поняла: она и есть та самая «девочка с двумя именами».

На эту тему она и написала свою прозу.

Классная комната была заполнена до отказа. Там были ученики, учителя, а также родители учеников и жители района. Ведущей была профессор лингвистики — энергичная пожилая белая женщина с фиолетовым шарфом, обладающая выдающейся харизмой и улыбчивым лицом.

«Следующая — Нора Цяо. Тема её чтения: «Девочка с двумя именами»».

Нора медленно подошла к трибуне, держа в руках лист бумаги с текстом, слегка помятый. Она глубоко вздохнула и посмотрела на аудиторию.

«Здравствуйте, меня зовут Цяо Цзя. По-китайски это пишется как „Цяо“ — как в слове „дерево“, и „Цзя“ — как в слове „прекрасный“. Но меня также зовут Нора — это имя мне дал один британский учитель, когда я училась в 11-м классе».

«Цяо Цзя — это имя, которое дала мне мама. Она — потомка Конфуция и всегда хотела, чтобы я была кроткой, благопристойной, умела вести хозяйство и соблюдала этикет. Я тоже старалась стать такой».

«Но в романе „Нора“ я впервые увидела себя такой, какой я есть на самом деле: чувствительной, немного одинокой, но смелой девушкой, стремящейся к далеким горизонтам».

«Только приехав в Новую Зеландию, я осознала, что за именем скрывается не просто произношение и написание, но и чувство идентичности».

«Цзяцзя знает, как ориентироваться в старинных семейных традициях, а Норе же нужно заново научиться выживать в этом новом мире».

«Какое-то время я хотела скрыть одно из этих имен и притвориться, что другое — это настоящая я. Но чем больше я так поступала, тем сильнее чувствовала разрыв внутри. Как будто я вечно переводила саму себя, но так и не могла достичь полного соответствия».

Она сделала паузу; в зале царил тишина, нарушаемая лишь редким щебетанием птиц.

«И вот однажды я поняла, что мне не нужно выбирать, на чью сторону встать. Я могу быть и Цзяо Цзя, и Нора».

«Цзя Цзя дала мне корни в тысячелетнем древнем городе, а Нора ведёт меня к неизведанному горизонту».

«Я буду ошибаться, падать, скучать по дому и влюбляться в тех, в кого не следует влюбляться. Но на этом пути я не бросила ни одну из своих сущностей».

Она слегка улыбнулась, и в её глазах заиграл огонек.

«Спасибо вам всем. Это моя история, и все мои имена принадлежат ей».

Из зала раздались аплодисменты, и первой зааплодировала Элоиз. Сразу же за ней весь зал взорвался бурными и искренними аплодисментами.

По окончании чтения к ней подошла одна из учениц и сказала: «У меня тоже два имени: одно на хинди, другое — на английском».

А один из учителей записал в свой блокнот:

«Твои слова, как ветер, проносятся мимо незаметно, но их невозможно не заметить».

В тот вечер, вернувшись в общежитие, она вложила рукопись в дневник.

На титульном листе она написала новую подпись:

«Джонара

Девочка с двумя именами и двумя домами».

Впервые она не рассматривала свою идентичность как «бегство», а, словно сшивая лоскутное одеяло, соединяла каждый, казавшийся противоречивым, обрывок в более целостную картину себя.

В ту ночь ей приснился сон.

Во сне она стояла на длинном мосту, пролете которого висел над глубоким ущельем. С одной стороны моста простиралась улица из зелёного кирпича на старой улице Цюйфу и красные ворота храма Конфуция, где витали клубы дыма от благовоний и плавали бумажные фонарики; с другой — современные стеклянные небоскрёбы и многочисленные кафе на набережной Оклендского залива, где в ночной тьме мерцали неоновые вывески.

Она шла по середине моста, одетая в кипао, но с рюкзаком за спиной и в кроссовках на ногах. Под мостом бурлили волны, и в воде отражались две её фигуры: одна говорила по-китайски, а другая шептала по-английски.

Она остановилась, и ветер развеивал кончики её волос. Шум волн под мостом то усиливался, то стихал, словно переплетались два голоса в её душе, а то — как будто всё успокаивалось.

Она не обернулась и не пошла дальше, а просто глубоко вдохнула.

Проснувшись, она увидела, что ещё не рассвело, за окном висел туман, а в общежитии царила такая тишина, что не было слышно ни звука.

Она протянула руку, взяла блокнот, лежавший у кровати, и на первой странице написала:

«Я хочу стать тем человеком на мосту. Не для того, чтобы соединить берега, а для того, чтобы оба берега могли существовать».

Глава 3. Скрытые раны

В мире Норы сексуальное воспитание было скрытой темой, окутанной молчанием и стыдом. Выросшая в консервативной китайской культурной среде, она и её сверстники ни в школе, ни дома никогда не получали полноценного сексуального образования. Это молчание было не просто отсутствием диалога, а невидимым табу, глубоко укоренившимся в культурной почве.

Нора родилась в Цюйфу, провинция Шаньдун — родном городе Конфуция, известном во всем мире своими глубокими конфуцианскими традициями. В такой среде «этикет» и «сдержанность» считаются высшими добродетелями, особенно для девочек. Хотя её родители имели высшее образование, они по-прежнему соблюдали традиционное молчание по некоторым темам.

«Цзяцзя», — всегда наставляла её мать, — «девочка должна уметь уважать и любить себя». Эта фраза повторялась на протяжении всего детства Норы, но никто так и не объяснил ей её конкретного значения. Такие расплывчатые наставления, наряду с невысказанными ожиданиями, сформировали раннюю основу самооценки Норы.

Летние лучи солнца, пробиваясь сквозь шторы, ложились пятнами на письменный стол Норы. Одиннадцатилетняя Нора — худенькая, но подвижная, с аккуратно завязанными в хвост чёрными волосами и слегка прищуренными от сосредоточенности глазами — склонилась над тетрадью и усердно писала летнее домашнее задание.

«Цзяцзя, — раздался за дверью голос матери, — мы с папой решили, что этим летом отправят тебя на курсы плавания».

«Правда?» — Нора подняла голову, её глаза на мгновение заблестели, но тут же она немного засомневалась: «А я смогу научиться? Я слышала, что плавать довольно сложно».

«Ты же знаешь, плавание — это не только важный навык, необходимый для выживания, но и отличная физическая нагрузка», — улыбаясь, сказала мама, войдя в комнату и присев на край кровати. «Твой папа нашел лучшую школу плавания в городе».

Нора кивнула, представляя себе, как она, подобно спортсменам из телевизора, свободно скользит по воде. «Когда я начну?»

«В следующий понедельник», — сказала мама, поглаживая её по волосам. «Помни, там слушайся учителя и води себя как хорошая девочка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.